

ВАЛЕРИЙ МИТ

Варианты

Издательство
«Геликон Плюс»

Валерий Мит

Варианты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10394381
Варианты: Повесть: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-93682-986-4

Аннотация

«Ни волнений, ни страха я не испытывал. Учитывая моё положение, это выглядело странно, но как ни удивительно, эта странность казалась естественной. Я не понимал, где я и каким образом оказался в этом месте, но помнил, что предшествовало моему появлению здесь. Я находился в больнице. В больницу, меня доставила машина «скорой помощи». В машину меня погрузили врачи. Мне повезло, они приехали вовремя...»

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Мит

Варианты

© Тучков В. М., текст, 2015
© Геликон Плюс, макет, 2015

* * *

Пролог

Странное место – полная тишина и густой клубящийся туман, словно я оказался внутри облака.

Туман настолько плотный, что я не видел пальцев вытянутой перед собой руки, не видел своих ног: всё пространство – снизу, сверху, вокруг меня – скрывала белёсая пелена.

Никогда я не оказывался в подобном месте: мир сузился до сферы радиусом около метра – именно такое пространство я мог видеть свободно. Голова, туловище, руки, если не вытягивать их слишком далеко, попадали в сферу видимого пространства, а вот ноги уже нет – они были за видимой границей.

– Где я? – невольно вырвался крик. Он полетел гулким эхом в пустоту и остался без ответа, а я попробовал хоть что-то разглядеть. Тщетно – в тумане глаза бесполезны, в нём даже чувствовать сложно, а основываясь на обрывках чувств, невозможно что-то себе объяснить – не за что зацепиться, не к чему достроить воображаемые образы.

Под босыми ногами чувствовалась твёрдая прохладная поверхность – видеть её я не мог.

Стальной лист – представилось мне. Лист так лист, решил я, на ощупь похоже, а стоять на чём-то конкретном намного приятней.

Темно не было – воображение нарисовало мощные светильники, скрытые за клубящейся пеленой. Свет от них напрямую пробиться ко мне не мог – рассеивался, подсвечивая пространство вокруг меня. «Красиво», – подумал я.

Я не мог решиться сделать шаг, приходилось стоять неподвижно – размеры поверхности под ногами были мне неизвестны. Двигаясь в какую-либо сторону, я мог случайно сойти с неё и провалиться в неизвестность.

– Хотя куда уж тут проваливаться? – улыбнулся я. Я и так находился непонятно где.

Ни волнений, ни страха я не испытывал. Учитывая моё положение, это выглядело странно, но как ни удивительно, эта странность казалась естественной. Я не понимал, где я и каким образом оказался в этом месте, но помнил, что предшествовало моему появлению здесь. Я находился в больнице. В больницу, меня доставила машина «скорой помощи». В машину меня погрузили врачи. Мне повезло, они приехали вовремя.

– Сердечный приступ, – сказал доктор, – подозрение на инфаркт, немедленная госпитализация.

Скорее всего, он был прав – невыносимая боль не давала мне связно мыслить, заполняла собой всё; кроме боли, я в тот момент ничего не чувствовал.

Доктор сделал укол, и мне стало легче.

Дальше запомнился недлинный путь на машине по улицам города и короткий маршрут на каталке по коридору больницы. Чувствовал я себя отвратительно – мне с трудом хватало сил удерживать ускользающее сознание. Я боялся его потерять – вернуть назад могло и не получиться.

– Готовьте реанимацию – сказал чей-то голос кому-то из персонала клиники.

– Потерпите ещё немного, скоро мы окажем вам помощь, – сказал тот же голос, но уже мне.

Это было последнее, что я услышал. Я покинул границы своего привычного мира и оказался в густом тумане, странном месте, непонятно где.

Может быть, я умер? Но нет, видимо, нет, решил я, ведь я по-прежнему мог ощущать себя – единственное, что я пока ещё мог в этом месте.

Я догадывался, что и эта возможность продлится недолго.

Стало тоскливо и скучно.

Я стоял и не знал, что мне делать дальше, не понимая, существует ли здесь это дальше в принципе – существует ли теперь вообще хоть что-нибудь.

Казалось, мир опустел, любое движение в нём отсутствовало, а туман, окружающий меня, искусно это скрывал.

Это было похоже на правду, но кое-что в этом месте всё же происходило: находясь здесь, я терял самого себя. Медленно и неуклонно терял свои позиции, и разрушение уже началось.

Мне же опять повезло. Я смог уловить начало этого процесса.

Я мог бы и не заметить, как пустота рвётся ко мне, ломая последние барьеры, стараясь заполнить моё внутреннее пространство, усиливая с каждым мгновением своё давление, делая его нестерпимым, мучительным, блокируя, любые возможности к сопротивлению. Я мог бы, сам не заметив того, исчезнуть бесследно.

Но я заметил и уловил.

Закрыв глаза, собрал всё, что от меня осталось, и, используя свой последний шанс, в едином порыве воли мысленно оттолкнул от себя пустоту. Неожиданно она отступила. В этот момент, я оказался сильнее. На короткое время мне удалось спастись – вырваться и скрыться туда, где достать меня было уже невозможно – в свои воспоминания.

Часть 1

Потенциальная энергия

1

1975 год. Сентябрь

Урок физкультуры в средней общеобразовательной школе.

Мы играли в баскетбол.

Мой лучший друг Сашка сделал свой проход по левому краю и отдал передачу мне. Я поймал мяч, бросил его в кольцо, он как по маслу прошёл сквозь сетку, трёхочковый бросок – наша команда вырвалась вперёд. Одновременно с этим раздался свисток – учитель остановил игру.

– Василий Петрович, – обратился к нему Сергей, капитан наших соперников, – дайте доиграть, до конца урока ещё десять минут.

– Нет, Серёжа, на сегодня всё, – ответил учитель. – Есть одно очень важное мероприятие. – Ребята построение.

Он встал у кромки баскетбольной площадки и вытянул в сторону левую руку, показывая, где и как нам нужно построиться.

Сергей злобно посмотрел на меня, он очень не любил проигрывать. Я в ответ ему показал «фак», он провёл ладонью по своему горлу, и мы оба улыбнулись.

– Ребята, не отвлекаемся, – торопил нас учитель, – строимся, времени осталось мало, вы же хотите вовремя уйти на перемену.

В спортивный зал вошёл человек. Он был невысокого роста, коренастый, одет в спортивный костюм тёмно-синего цвета. На спине спортивной куртки крупными буквами было написано СДЮСШОР.

– Вот, ребята, познакомьтесь, это Иван Трофимович – тренер по велоспорту спортивной школы олимпийского резерва. Иван Трофимович делает набор в свою секцию, и если среди вас есть желающие заниматься этим видом спорта, пожалуйста, обращайтесь к нему.

Человек в спортивном костюме стоял рядом с нашим учителем и внимательно разглядывал нас. Чувствуя, что пауза затянулась, сказал:

– Вижу, что здесь нет тех, кто об этом мечтал. Поэтому немного расскажу вам о нашей секции. Спортивная база расположена в Петродворцовом районе, тренировки проводятся три раза в неделю. Всем желающим заниматься и прошедшим предварительное тестирование будет выдан персональный велосипед.

– Что касается непосредственно самих тренировок... Велоспорт – это тяжёлый труд. Физические нагрузки очень существенные. Все тренировки в сезон – с середины апреля до середины октября – проводятся на свежем воздухе. Что это означает? Дождь, ветер, иногда мокрый снег – с трассы не свернёшь; хочешь, не хочешь, а тренироваться надо. В зимнее время – уличные пробежки и тренировки в зале, дороги для велоспорта на зимний период закрыты. Нужно учитывать, что это – технический вид спорта. Свой велосипед каждый спортсмен настраивает и ремонтирует сам, тем, кто боится испачкать руки, в велоспорте не место. Я наблюдал за вами во время урока, – продолжал тренер. – Среди вас есть несколько ребят, у которых очень хорошие данные, ещё нескольким стоило бы попробовать.

– Вот вы, – указал он на Сергея и моего друга Сашку, – не хотели бы заниматься?

– Мне нужно подумать, – ответил мой друг.

– Скорее всего, да, – ответил Сергей.

Тренер выбрал ещё нескольких ребят и предложил им то же самое – меня в их числе не было.

– Не надо торопиться, – сказал он. – Подумайте хорошенько и обязательно посоветуйтесь с родителями. Большинство тренировок проводятся на шоссе, а значит, есть риск получения травмы, связанный с дорожным движением. Правила движения мы выучим, экзамен в ГАИ сдадим, но ещё раньше мне потребуется разрешение ваших родителей. Когда определитесь, приходите, – добавил он. – Адрес спортшколы и телефон есть у Василия Петровича.

В следующий момент раздался звонок – урок физкультуры закончился, и все мои одноклассники отправились в раздевалку. Я же остался, и подошёл к тренеру. Мне было неловко, я не хотел напрашиваться, но я очень сильно хотел попасть в эту секцию.

– Тебе что, мальчик? – спросил меня Иван Трофимович.

– Я хотел бы заниматься велоспортом, – ответил я.

Он внимательно оглядел меня и грустно покачал головой.

– Не хочется тебя огорчать, – сказал он, – но у тебя вряд ли получится. Для этого спорта нужны определённые данные, а у тебя их нет. Ты не сможешь добиться высоких результатов. Только измучаешь себя. Согласись, не очень-то приятно плестись где-то в хвосте, не имея шансов на победу.

– Я очень хочу тренироваться у вас, – ответил я.

Он снова взглянул на меня и слегка улыбнулся.

– Упорный какой – для спорта это неплохо, – добавил он, – но, к сожалению, недостаточно.

– Иван Трофимович, – дрожащим голосом, со слезами на глазах продолжал я, – возьмите, для меня это очень важно...

Тренер ещё раз оглядел меня, затем заглянул в глаза. Не знаю, что он в них увидел, но после короткого раздумья кивнул головой.

– Ну... ну, малыш, успокойся, – ответил он, похлопывая меня по плечу. – Как тебя зовут?

– Володя, – чуть слышно ответил я.

– Ладно, Володя, – добавил он, – если это так важно для тебя – приходи. Договаривайся с родителями и приходи, после тестирования вернёмся к этому разговору, а там и посмотрим.

– Огромное вам спасибо, – улыбаясь, смахивая с глаз слёзы, ответил я, – Не сомневайтесь, у меня получится, я сильный.

И я выбежал из зала пока тренер не передумал.

* * *

Шла вторая неделя сентября нового учебного 1975 года, мне было 11 лет, и это был мой первый серьёзный поступок, первая развилка на моём пути, где я самостоятельно выбрал направление.

Сейчас, глядя на это спустя много лет, мне совершенно неясно, почему всё вышло именно так. Ведь до встречи с Иваном Трофимовичем я не мечтал быть спортсменом. Я, так же как и все, как любой мальчишка моего возраста, катался на велосипеде – катался просто так, без фанатизма, в своё удовольствие и далеко не каждый день. Мне не хотелось этого каждый день. Часто я отказывался от желания прокатиться только потому, что мне было лень спускать по лестнице свой велосипед. Можно сказать, что в целом это занятие мне нравилось, но не больше и не меньше, чем что-то другое. Откуда же тогда такое внезапное и неконтролируемое желание? Желание настолько сильное, что я, достаточно скромный и сдержанный мальчик, чтобы добиться своего, упрашивал тренера со слезами на глазах? Учитывая, что раньше я никогда и ничего не добивался таким способом – не делал я этого

и впоследствии, я вообще никогда и никого ни о чём не просил, – невольно задумаешься: а для чего всё это? Куда я должен был приехать на своём велосипеде?

Но всё по порядку.

* * *

Приблизительно через неделю, договорившись о встрече через своего школьного учителя, все, кого выбрал тренер, и те, кто при этом пожелал попасть в секцию, а вместе с ними и я, вновь встретились с Иваном Трофимовичем.

Здесь были ребята из разных школ. Видимо, тренер объехал немало мест, собирая свою команду. Мы стояли в большом спортивном зале, сбившись в небольшие кучки по три-четыре человека. По этим кучкам можно было понять, сколько школ мы здесь представляем.

У стены стоял спортивный велосипед, а перед ним – пять необычных стальных рам. Мне было непонятно их назначение. Что можно делать на плоской горизонтальной металлической раме, стоящей на полу на четырёх коротких ножках, на которую нанизаны две пары полуметровых цилиндров, диаметром около ста миллиметров каждый?

Я указал на них Сашке, но высказать своё мнение об их назначении он не успел. В зал вошёл тренер.

– Здравствуйте, ребята! – сказал он. – Я очень рад, что вы пришли сюда, это был правильный выбор. Даже если впоследствии из вас не получится великих спортсменов, тренировки в нашей секции даром для вас не пройдут. Вообще занятия спортом, а в нашей секции, возможно, особенно – это огромный задел для вашего здоровья, тот потенциал, которого хватит на всю вашу долгую жизнь. Когда-нибудь вы вспомните мои слова. Но хватит лирических отступлений, – продолжил он. – Ваши физические данные я уже оценил. Я сам отобрал вас по этим параметрам, и вы годитесь для занятий велоспортом. Осталось провести ещё один маленький тест. Для тех, кто его пройдёт, дорога в большой спорт будет открыта.

И он указал рукой на странные рамы, стоящие на полу вдоль стены.

– Это велотренажёры, – сказал он, – но не те велотренажёры, которые вы привыкли видеть, а специальные спортивные, которые здесь называются «станки». Принцип их работы простой. Обычный спортивный велосипед ставится колёсами на ролики, – он рукой похлопал по одному из цилиндров на раме, – и дальше... – он на мгновение задумался и, не найдя, что ещё можно добавить, сказал: – Дальше ничего, это и всё, дальше погнали. Конструкция – проще не придумаешь, но для тренировки на нём требуется хороший вестибулярный аппарат, вот его-то мы сейчас и проверим. Ну что ребята, кто первый?

Добровольцев не нашлось, мы в нерешительности переминались с ноги на ногу. Никто из нас раньше не видел таких станков. Каждый из нас боялся оказаться первым среди неудачников, не прошедших это испытание.

– Ну что ж, – сказал тренер, – раз никто не может решиться, будем проходить это испытание по порядку, а порядок мы сейчас определим. Ребята, строимся по росту.

И он вытянул в сторону руку, задавая направление.

– В шеренгу по одному становись! – громко крикнул он.

Мы засуетились, пытаясь определить, кто и за кем должен встать – трудно понять, кто выше, а кто ниже, находясь рядом друг с другом. Наконец наши перемещения прекратились и мы кое-как построились. Тренер вышел на середину зала, оглядел нас, подровнял строй, переставил местами нескольких ребят.

– Ну вот, теперь есть некое подобие порядка, – сказал Иван Трофимович. – А первым будет проходить это испытание Володя, – и он указал на меня. – На его примере я покажу, что и как нужно делать. Володя, иди сюда, – позвал тренер.

Я этого не ожидал и испугался – всегда страшно делать что-то в первый раз, особенно на виду у всех, не имея уверенности в успехе. Я очень боялся не справиться, боялся, что не смогу пройти это испытание, что мне придётся покинуть секцию, забыть про спорт, которым я очень хотел заниматься. Уйти первым, пережив позор, под ехидный смех ребят, что стояли передо мной и смотрели на меня во все глаза, ожидая моего провала. Представить такое было страшнее моего собственного страха, и я попытался взять себя в руки.

– Не волнуйся, Володя, – сказал тренер, – я тебе помогу. Ты ведь умеешь кататься на велосипеде? А здесь то же самое, просто нужно не думать, что велосипед стоит на роликах, и всё становится очень легко.

Он пододвинул к крайнему станку маленькую тумбу. Взял велосипед, стоящий у стены. Взглянул на меня и, определив мой рост, отрегулировал по высоте седло. Затем поставил велосипед на станок.

– Ну что, Володя, готов? Давай пробовать, – сказал он. – Садись на велосипед, не волнуйся, я тебя придержу.

Я встал на тумбу и уселся на велосипед. Тренер придерживал его за седло.

– Поехали, педали крути плавно, резко не гони, нужно сначала немного привыкнуть, – давал он указания.

Я слышал его словно издалека, очень волновался, пытаюсь, делать так, как он говорит, но получалось плохо. Переднее колесо болталось из стороны в сторону и могло в любой момент слететь с передних роликов, я же из последних сил пытался его удержать – тренер всё ещё придерживал велосипед.

– Возьми себя в руки, расслабься, – командовал он, – и прибавь оборотов.

Я стал крутить педали быстрее, переднее колесо успокоилось – я почувствовал равновесие, а вместе с тем и уверенность. У меня стало получаться.

Тренер отошёл в сторону, но мне было уже всё равно. Я крутил педали велосипеда, увеличивая обороты. Это оказалось и правда легко и вместе с тем удивительно. Я крутил и крутил эти педали и не хотел останавливаться.

– Достаточно, Володя, – сказал тренер, – тормози, тренироваться будем в следующий раз, другим ребятам тоже нужно попробовать.

Я нехотя остановился и слез с велосипеда.

– Молодец, – сказал он, – нормально прошёл испытание, добро пожаловать в секцию.

Дальше всё закрутилось, как на этом станке, в калейдоскопе дней. Время перестало быть длинным, течение жизни ускорилося, и я, подхваченный этим течением, на своём велосипеде устремился вперёд.

Тренировки, учёба, соревнования, снова тренировки.

Мне пришлось привыкать к новому ритму.

Тренер оказался прав: физически я не был готов и отставал от ребят, часто мне приходилось плестись в хвосте. Но я, как верно заметил Иван Трофимович, был упорен и не собирался сдаваться. Примерно за шесть месяцев каторжного труда я стал значительно сильнее и смог в этом плане догнать многих ребят из нашей команды. Я не стал лучшим и предполагал, что скорее всего никогда лучшим не стану, но это и не было для меня сверхзадачей. Я достиг состояния, при котором мог уверенно двигаться вперёд и получать от этого удовольствие.

Спорт стал для меня образом жизни. Тогда я этого не понимал – просто жил, тренировался, учился и стремительно продвигался, к неявной на тот момент для меня цели.

Всё так и шло целых пять лет, до тех самых пор, когда...

* * *

– Смена! – крикнул я своему другу Сашке и сместился левее, пропуская его вперёд.

Мы участвовали в групповой командной гонке на 50 километров. Гонка подходила к концу. Мы были последними из своей команды, у кого оставался небольшой шанс добраться до финиша в первой десятке, – все остальные отстали.

Сил почти не осталось, мы пытались удержаться за группой лидеров из шести человек, маячившей перед нами метрах в тридцати, но разрыв постепенно увеличивался. За нами, метрах в ста, догоняя нас, двигалась группа из десяти человек. Впереди начинался крутой подъём на холм, а за ним несколько километров дистанции до финиша. Догнать кого-либо было для нас уже нереально. Мы старались как можно меньше отстать от лидеров и не позволить группе, наступающей нам на пятки, нас догнать, но и это было для нас почти непосильной задачей.

– Смена! – крикнул мой друг, и на этот раз я выдвинулся вперёд, закрывая Сашку от ветра.

Вот и подъём; я переключился на пониженную передачу и прибавил оборотов, то же самое сделал и мой друг. Солнце, лёгкий ветер, шуршание шин и невероятная бесконечная усталость – вот и всё, что мы ощущали в тот момент. Вся вселенная сузилась для нас до нескольких десятков метров разогретого солнцем асфальта.

Я понял, что не могу удерживать прежний ритм, собрался крикнуть об этом своему другу и попросить смену.

Крикнуть я не успел.

Внезапно всё для меня изменилось.

Мир, окружающий меня, застыл, словно уснул. Ветер, сопротивляясь которому я двигался вперёд, исчез. Звуки, заполняющие всё вокруг, стихли. Даже солнце стало менее ярким. Это казалось странным, словно я преодолел невидимую черту, за которой всё, что окружало меня, стало другим. Вместе с тем я ощутил каждой клеткой своего тела пространство, окружающее меня, слился с ним, стал его частью, видел все его составляющие одновременно – склон холма с его серпантинной дорогой, группу лидеров, постепенно удаляющуюся от нас, своего друга, едущего за мной, крутящего педали в каком-то замедленном ритме, ребят догоняющих нас. На мгновение мне показалось невозможное – я увидел за склоном холма, в нескольких километрах впереди, линию финиша с группой людей, ожидающих окончания гонки.

И ещё...

Усталости больше не было – я перестал её чувствовать.

– Держись, Сашка, – крикнул я и, привстав с седла, резко прибавил оборотов.

Дорога устремилась мне навстречу. Несколько минут – и я догнал лидирующую группу, а ещё через минуту оказался первым. Въехал на вершину холма и оглянулся назад. Мой друг безнадежно отстал. «Ничего не поделаешь – гонка есть гонка», – подумал я и прибавил ещё.

На противоположном склоне холма дорога пошла под уклон, и моя скорость значительно возросла. Деревья, стоящие на обочине, стали неразличимы, слились в один зелёный поток. Это был фон, и он не имел для меня значения, всё моё внимание забирала гонка. Оставалось несколько километров; я лидировал, и у меня были все шансы на победу – первую свою победу за пять лет занятий этим спортом.

Вот и последний поворот.

Я стремительно преодолел и его.

Впереди показался портал, сквозь который мне предстояло проехать – пересечь линию финиша, находящуюся под ним. Там, за линией, меня ждала пёстрая толпа возбуждённых людей, среди которых, я знал, был и мой тренер – человек, который пять лет назад поверил в меня, который надеялся на мою победу. Игнорировать это я не мог, я должен был победить – и я прибавил ещё.

Оставалось проехать не более трёхсот метров, когда снова всё изменилось.

Мир, окружающий меня, проснулся. Взорвался какофонией звуков – шуршание шин, скрип шестерёнок велосипеда, голоса, несущиеся ко мне от линии финиша, что-то орущие, пытающиеся подбодрить – громкие, разрывающие барабанные перепонки звуки, сводящие с ума.

На небе вспыхнуло солнце – ослепило, мешая глядеть вперёд, заставляя зажмуриться, спасая глаза, оставив только тоненькие щели между век, чтобы хоть что-то видеть.

Ветер, вырвавшись из заточения, взбесившись, бил в лицо, тормозя, не пуская, стараясь остановить.

Подло и неожиданно навалилась усталость – безумная, невероятная, намного сильнее, чем до моего рывка, такую я не испытывал ещё никогда. Мышцы пронзала боль, кружилась голова. Тело почти не слушалось, и я держался из последних сил, опустив голову, контролируя только равновесие. Крутить педали я перестал, даже мысль о движении стала мне неприятна. Я знал: стоит мне приложить малейшее усилие, стоит только пошевелиться – это будет последнее, что я смогу сделать.

Я оказался беспомощен – сидел на велосипеде неподвижно, ехал по инерции, постепенно замедляясь, а мир вокруг меня и не думал тормозить – наоборот, с каждым мгновением он ускорялся.

Я слышал за своей спиной ребят, догоняющих меня, – с этим я ничего не мог сделать. Сил не хватало даже на то, чтобы оглянуться. Я катился и катился вперёд, не замечая ничего вокруг, не зная, догонят ли меня, толком не понимая, куда я вообще еду.

В какой-то момент чьи-то руки поймали меня, помогли слезть с велосипеда, сесть в раскладное матерчатое кресло, оказавшееся здесь невесть откуда, накрыли пледом.

Я сидел, а мир вокруг меня постепенно возвращался к обычному состоянию. Ветер стих. Солнце перестало быть слишком ярким. Затихли звуки. После недавней какофонии они едва доносились до меня. Где-то на заднем плане слышались приветственные крики, гомон толпы, звуки гонки.

Я закрыл глаза и попытался расслабиться. Отдышался, пробуя восстановить свои силы, чувствуя, что постепенно прихожу в себя.

Первым восстановился слух.

За ним зрение.

Я открыл глаза и увидел тренера, склонившегося надо мной.

– Ты как, Володя? – спросил он.

Я не мог говорить и просто пожал плечами.

– Ну ничего, посиди, отдохни, скоро станет легче, – и добавил: – Дал ты сегодня такой рывок – просто невероятно, на пределе возможностей, не каждый профессионал на такое способен. Ты пока не умеешь рассчитывать свои силы, ещё чуть – и тебя бы догнали. Всего на полкорпуса обошёл. А вообще молодец, не ожидал, и теперь ты знаешь, какова она, цена победы. Отдыхай, после такого нужно прийти в себя и побыть одному. Я знаю, о чём говорю. Было время – сам испытывал нечто подобное.

Я так ничего ему и не ответил, и он ушёл.

Снова, оставшись один, я попытался понять, что же всё-таки случилось со мной во время гонки.

– На пределе возможностей, – чуть слышно прошептал я себе. – Нет, тут что-то другое, свои возможности я знаю, а то, что случилось, было очень далеко за их пределами. Такое ощущение, что там, у склона холма, время почти остановилось, а когда я перешагнул через вершину и проехал немного вперёд, снова вернулось к своему обычному ритму. Но тогда почему оно замедлилось для всех, кроме меня? Что это? Такая выборочная аномалия? Но ведь так не бывает? Скорее всего, вокруг меня ничего не менялось – менялся я, перешёл в иное состояние – в какой-то форсированный режим. Но что это? И как такое возможно?

Ответить себе я не успел, подошёл Сашка.

– Поздравляю, Володя! – приветствовал он, протягивая руку.

– Спасибо, – сказал я, отвечая на рукопожатие.

– Круто ты рванул, – добавил он. – Если бы сам не видел, не поверил бы, что такое бывает. В гору, километров пятьдесят в час, с бешеным ускорением. За считанные минуты обогнал всех и скрылся за поворотом, и это после пятидесяти километров дистанции. Невероятно.

– Сам с трудом в это верю, – ответил я. – Не знаю, что со мной случилось, как второе дыхание открылось, только в несколько раз сильнее, правда, перед самым финишем, когда оно снова закрылось, чуть не помер и еле закончил гонку – линию пересекал чуть живой, уже по инерции.

– Ещё бы, – ответил мой друг. – Если бы я так рванул, сдох бы, наверное, ещё на склоне. А ты молодец, дотянул.

Мы помолчали.

– Ладно, пойду, – прервал молчание Сашка. – Был разговор, но тебе, я вижу, не до разговоров, да и я сейчас не совсем готов – потом поговорим.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Не бери в голову, ничего серьёзного. Завтра расскажу.

И он тоже ушёл.

Позже, когда до финиша добрался последний участник, было награждение.

За своё первое место я получил новенькое переднее колесо и медаль золотистого цвета из непонятного сплава. Всё было просто и довольно обыденно, как и должно было быть.

В этой гонке не было ничего исключительного – обычное соревнование среди ребят одного возраста из разных спортшкол. Такие соревнования проводились несколько раз в месяц, пока продолжался сезон. Они были нужны нам, чтобы оценить свои силы, они были нужны тренерам, чтобы понять, насколько правильно продвигается тренировочный процесс.

Я сложил своё богатство в люльку мотоцикла Ивана Трофимовича, он завёл двигатель и тихонько тронулся вперёд. Мы с ребятами из команды, в колонне по двое, последовали за ним. Через тридцать минут мы прибыли на базу.

Не теряя времени, я прошёл в мастерскую – хотелось примерить новое колесо и просто побыть одному, спокойно обдумать всё, что со мной приключилось. Сделать это требовалось не откладывая – завтра могло и не получиться. Новый день скроет своими событиями всё, что произошло сегодня. Воспоминания перестанут быть чёткими – то, что сегодня кажется необычным, завтра таким не покажется, детали сотрутся, и я найду всему рациональное объяснение. Но кому нужны объяснения? Необходимо другое: попытаться переосмыслить всё, пока воспоминания остаются свежими, прокрутить ещё раз недавние события – понять, что случилось со мной.

Я не спеша снял с велосипеда переднее колесо и поставил на его место новое. Накачал его и крутанул. То, что я увидел, мне понравилось – идеальный круг, чётко отцентрировано, нет даже намёка на восьмёрку. Заодно крутанул и заднее колесо. Тут не всё было идеально, но тоже ничего критичного, и я, подтянув отдельные спицы, легко всё поправил.

Заглянул мой друг.

– Вот ты где, – сказал Сашка. – А я тебя по всей базе ищу. В раздевалке нет, в душевой нет, думаю, наверняка в мастерской колесо примеряет. Все ребята уже ушли, ты домой собираешься?

– Чуть позже, Саша, надо проверить велосипед. Обратно ехали, скорость переключал – чуть цепь не слетела.

– А ты нежнее с ним обращайся – на гонке ты так рванул, что он мог бы и рассыпаться, это же всё-таки велосипед, а не ракета.

– Да уж, – ухмыльнувшись, ответил я, – досталось нам с ним. Не сердись, сейчас всё поправим, – добавил я, обращаясь уже к своему велосипеду, и нежно погладил его по раме.

– Ладно, вы тут можете и дальше со своим стальным другом обниматься, а мне некогда, – ответил Саша, – Я со Светкой договорился в кино сходить и уже опаздываю.

Света училась с нами в одном классе, была девушкой моего друга, и он, к моему облегчению, торопился к ней. Я же никуда не спешил, на тот момент у меня девушки не было, и я мечтал как можно скорее остаться один.

Саша ушёл, но не прошло и пяти минут, как ко мне в мастерскую заглянул тренер.

– Ну что, Володя, оправился от гонки? – спросил он.

– Да что мне сделается, Иван Трофимович? Всё в норме, вот только велосипед, нужно в порядок привести.

– Молодец, профессиональный подход. Устал, не устал, а своего боевого коня бросать нельзя. Сам всегда так делал. Вроде бы просто велосипед, неодушевленный предмет, но относишься к нему с любовью – и он отвечает тебе тем же. Даже едет потом по-другому. Иногда, кажется, что сам катит, помогает. Не замечал?

– Так и есть, Иван Трофимович. Это не просто велосипед, это друг, – ответил я. – Намучился со мной на этой гонке. Ну да ничего, сейчас подремонтируем, смажем, и будет опять как новенький.

– Правильно Володя, – сказал тренер, улыбаясь. – Но долго не засиживайся, отдыхать тоже нужно.

– Да тут недолго, – ответил я, – минут на двадцать работы.

– Хорошо, занимайся. Хотел с тобой серьёзно поговорить, но сегодня, наверное, для серьёзных разговоров уже поздно, поговорим в следующий раз.

Тренер ушёл, а я остался в мастерской один. Поправил и подтянул цепь, проверил передачи, смазал шестерёнки, подтянул и отрегулировал тросики тормозов. Мой велосипед стал полностью готов к новым испытаниям.

Я присел на кожаный диванчик, стоящий у стены, тут же в мастерской.

– О чём он хотел поговорить со мной? – мысленно спрашивал я себя. – Точно трудно угадать, но почти наверняка это было связано с гонкой. Сегодня вообще очень странный день, – думал я. – Все говорят загадками, какие-то намёки на важный разговор – тренер, а ещё раньше, сразу после гонки, мой друг Сашка. Что-то их беспокоит, но вряд ли они могут себе представить, что я чувствовал во время гонки. Хотя тренер и говорил, что испытывал нечто подобное, но всё-таки он, видимо, имел в виду другое. Скорее всего, он хотел рассказать мне о том, через что я впервые прошёл пять лет назад и очень много раз в последующие годы. Тогда я, чтобы не отставать от ребят из команды, тренировался, превозмогая себя, почти на пределе и впервые открыл своё второе дыхание. Понял, как это бывает, когда, перешагнув через собственную невыносимую усталость, начинают работать два лёг-

ких одновременно, подпитывая кислородом открывшиеся дополнительные резервы организма. Я очень хорошо знал, как это тяжело, мучительно и вместе с тем невероятно приятно. Там, за гранью невозможного, настоящий спортсмен испытывает почти наслаждение, которое человек, не переживший подобное, назвал бы извращением. Поддавшись этому чувству, можно, израсходовав все свои силы, надорваться и даже умереть, причём сделать это с удовольствием. Видимо, тренер хотел предостеречь меня от этого. Но он опоздал, опоздал на пять лет. Я давно научился контролировать в себе это состояние и никогда не позволял погружаться за эту грань слишком глубоко.

То, что случилось со мной на гонке, было другим. Я лично о таком никогда не слышал. Никто не рассказывал мне ни о чём подобном. Возможно, такого вообще никогда не было. Случилось невероятное – преодолев свою собственную усталость, я не просто открыл второе дыхание, я перешагнул куда-то дальше, на следующую ступень.

Я даже помыслить не мог, что там есть что-то ещё.

Перепрыгнув сразу через ступень, я вообще перестал чувствовать своё тело – а там, где нет тела, нет и усталости. Выйдя за границы своего собственного медленного мира, я перешёл в состояние, при котором ощущения тела уже не успевали за мной. Я оказался быстрее и выше любых физических ощущений. Видимо, поэтому я и смог заставить себя двигаться намного быстрее – быстрее, чем это вообще возможно. Хорошо, что длилось это недолго, к большему я не был готов – сработал защитный механизм, и меня выбросило обратно. Это было неожиданно, болезненно и очень тяжело – я вернулся назад опустошённый, чуть живой, отдавший, сам того не заметив, все свои силы, ошарашенный, потерявший на время способность ориентироваться в пространстве и связно мыслить.

Что это было? Как такое возможно? Приходилось признать, что ответов на эти вопросы у меня нет и скорее всего не будет – я не знал людей, которые испытывали подобное, а значит, помочь эти ответы найти не сможет никто. Пережитое мной было более чем необычно, и я опасался, что оно никуда не ушло и рано или поздно может повториться снова. Мне это крайне не нравилось.

Несмотря на то что я никогда не хотел быть таким, как все, для меня это было чересчур. Я ценил собственную индивидуальность, но хотел при этом оставаться обычным человеком. Я понимал, что любые сверхспособности хороши только на первый взгляд. Если разобраться, от них больше неприятностей, чем пользы, и это пугало меня.

Я представил, что все, кого я знаю, отвернутся от меня. Мне казалось тогда, что это будет неизбежно. Сначала всем будет любопытно – ещё бы, человек может то, чего не может никто, но постепенно люди начнут шарахаться от меня, я стану уродом в их глазах. Никто не любит людей, отличающихся от себя, – к ним испытывают неприязнь, их боятся, они обречены на одиночество.

Так думал я, и эти странные мысли выбили меня из привычной колеи, я почти потерялся в своей безысходности.

– Я не хочу быть таким, – прошептал я.

О том, что случилось со мной, нельзя рассказывать никому, – решил я. – Во время гонки толком никто ничего не заметил. Те, кто находился от меня недалеко, были заняты в основном собой. Гонка подходила к концу, все очень устали, и им было не до меня. Ближе всех в тот момент находился Сашка. Он хоть и удивился, но не придавал этому слишком большого значения. В его глазах я оказался сильнее, чем он предполагал, но всё же, с его точки зрения, я не сделал ничего невозможного. Так же скорее всего думал и мой тренер. Наверное, так думали и все остальные, по крайней мере, я очень на это надеялся.

– Пусть всё так и остаётся, – чуть слышно прошептал себе я, – Я не хочу меняться.

Именно в тот момент моё желание быть особенным, не таким, как все, развеялось, как дым; мне больше всего на свете захотелось стать незаметным, одним из многих. В собственной индивидуальности я уже не видел ничего хорошего.

* * *

Тот же туман, всё та же неопределённость. Я всё ещё стоял неподвижно на холодной гладкой поверхности, не решаясь сделать шаг.

Стоял и вспоминал своё детство.

Отсюда многое виделось иначе; смешанное чувство: с одной стороны, я многое забыл и освежить воспоминания было и полезно, и приятно, с другой – переживая прошлые события заново, я словно смотрел на себя со стороны. И тот, прошлый я мне нравился далеко не всегда.

Например, я видел, что индивидуальность, за которую я цеплялся, была просто юношеской заносчивостью и ложной уверенностью в себе. Именно поэтому мои претензии на исключительность и перестали существовать. Попав в нестандартную ситуацию, я испугался, по-другому и быть не могло – я не был готов к серьёзным переменам.

Меня пугала перспектива стать белой вороной среди своих друзей. Мне захотелось стать обычным парнем, ничем не отличающимся от других. Это было непросто после той злополучной гонки, но здесь, в этом странном месте, не было тайн. Я видел, что в глубине моего сознания уже родилось решение, и я уже знал, как этого добиться. Именно тогда я и сделал свой первый шаг в направлении новой развилки, где мне было суждено сменить направление.

В прошлом я этого не понимал и потому не смог бы сформулировать это чётко. Там я действовал неосознанно – в определённый момент успокоился, остановил поток безрадостных мыслей и взглянул на часы. Увидев, что просидел на кожаном диване в мастерской, рядом со своим велосипедом, почти два часа, удивился. Это время странным образом прошло совершенно незаметно.

На улице наступил вечер, и я уже давно должен был быть дома.

Не тратя больше ни минуты, я скинул свою спортивную форму и прошёл в душ, а спустя полчаса вышел из ворот спортивной базы.

2

– Володя, телефон... возьми трубку, – услышал я сквозь сон.

Вставать не хотелось, начиналось воскресенье, а я собирался поваляться в постели подольше.

– Ну же, соня, вставай, уже одиннадцать часов, – снова услышал я голос своей мамы. – И подойди наконец к телефону. Нехорошо заставлять людей так долго ждать.

Я нехотя поднялся и, стараясь не открывать глаз, поплёлся в коридор. Там на тумбе у входной двери стоял наш стационарный телефон.

– Алё... – сонным голосом сказал я в трубку.

– Здорово, – прокричала мне в ухо трубка голосом Сашки.

– Ну что ты кричишь, – ответил я, – всех перебудил, а тут, между прочим, люди ещё спали.

– Всю жизнь проспайшь, – ответил мой друг. – Просыпайся, я через десять минут зайду. И он отключил телефон, не оставив мне выбора.

Я прошёл в ванную – чтобы прийти в себя, мне нужно было как минимум умыться. Чувствовал я себя ниже среднего. Мышцы болели, какая-то непонятная слабость мешала мне нормально двигаться, даже мысли в голове ворочались с трудом.

Я посмотрел на себя в зеркало. Отражение тоже было не очень: покрасневшие, тусклые глаза, не выспавшееся, мятое лицо. Похоже было на то, что я заболел. Прислушавшись к себе, я почувствовал лёгкий озноб.

– А ещё друг называется, – негромко сказал я своему отражению. – Поднял с постели больного человека и очень скоро придёт, чтобы издеваться дальше.

Мне захотелось согреться. Я пустил воду погорячей и встал под душ.

После душа я проснулся окончательно, но общее состояние улучшилось ненамного.

Это всё вчерашняя гонка, понял я, тот форсированный режим, в который я невольно вошёл. Победить я все-таки сумел, но чуть не прикончил себя. После такого сразу не восстановишься, требуется время.

Я вышел из ванной и услышал голос Сашки, пошёл на этот голос и обнаружил своего друга на кухне. Он с моей мамой сидел за столом, пил чай и что-то оживлённо рассказывал, поджидая меня.

– Так вот, Тамара Петровна, – продолжал он свой рассказ обо мне, ничуть не смущаясь того, что я стою рядом, – когда я посмотрел вперёд, его уже и след простыл. Перевалил через холм, обогнал всех и выиграл эту гонку.

Моя мама слушала его и улыбалась.

– Трепло, – сказал я. – Все секреты уже растрезвонил. Нашёл что рассказывать, подумаешь, гонка. Да таких гонок за сезон – сотня.

– Не скажи, Володя, – возразил мой друг. – Гонок, может быть, и много, но такое было впервые.

Я насторожился: неужели Сашка заподозрил что-то невероятное в том, что произошло.

– Чтобы так резко, профессионально, на подъёме, в самом конце гонки уйти в отрыв, – продолжал он, – такого ещё не было. По крайней мере, среди ребят нашего возраста. Об этом даже Иван Трофимович рассказывал.

– Что рассказывал? – рассеянно спросил я.

– А то! Неужели не помнишь? В позапрошлом году, перед первой групповой гонкой, он говорил, чтобы мы просто держались вместе. В длительных заездах очень сложно уходить в отрыв, и для ребят нашего возраста это практически невозможно. У нас нет пока ни навыка, ни достаточной выносливости на длительные нагрузки, да и физические данные у нас у всех примерно одинаковые. Вот у профессионалов – другое дело...

– Да помню я тот разговор, – перебил его я. – Это же так, напутствие к первой гонке. Тогда мы ничего не знали о таких соревнованиях, не испытали ещё на своей шкуре, как это тяжело, но амбиций у многих из нас всегда было хоть отбавляй. А Иван Трофимович не хотел, чтобы кто-то, не рассчитав свои силы, сошёл с дистанции.

– Ладно, мальчики, не надо спорить, – вмешалась моя мама, видя, что наш разговор переходит в другую тональность, – попробуйте лучше пирожки, пока не остыли. Володя, угощай друга и налей себе чай.

– Спасибо, Тамара Петровна, – улыбнувшись, ответил Сашка, – ваши пирожки всегда просто объеденье, особенно с капустой.

– Вот и кушай, Саша, на здоровье, – ответила моя мама и вышла из кухни, оставив нас с Сашкой вдвоём.

Я налил себе чай, поставил блюдо с пирогами на стол и сел напротив своего друга.

– Ну давай, рассказывай, – сказал я ему.

Он ничуть не удивился, услышав от меня эту фразу. Мы знали друг друга с детских лет и были очень близки. Я прекрасно видел, что ему просто не терпится мне что-то рассказать, а он видел, что я жду от него именно это.

– Такое дело, Володя, – неуверенно начал он, – только не обижайся. Я уйду из секции.

Этого я не ожидал. Не сказать, что я не мог предположить такое в принципе, но всё же... Много лет тренировались вместе, спорт стал нашим образом жизни, недавно мы планировали не бросать его и после окончания школы. Иван Трофимович предлагал нам вариант – Лесотехническая академия, на базе которой была мощная секция велоспорта. Там этот спорт был профилирующим, а тренер предварительно уже обо всём договорился. Перспективные спортсмены в этом вузе были нужны, а мы с Сашкой именно такими и были.

– Так и въедете туда на своих велосипедах, и для вас там всё будет просто, – сказал он нам тогда. – Ваш образ жизни почти не изменится, будете так же тренироваться, участвовать в соревнованиях и получите при этом нормальную профессию. Когда придёт время расстаться со спортом, если оно для вас придёт, сможете получить работу по специальности. Другими словами, на кусок хлеба себе всегда заработаете.

На мой взгляд, это была отличная перспектива, но после слов Сашки она перестала быть таковой. Я хотел пройти этот путь вместе с ним – Лесотехническая академия привлекала меня процентов на пятьдесят, если не больше, только из-за него.

Кроме того, что мы были лучшими друзьями, мы были напарниками – вместе тренировались, были партнёрами. В велоспорте это очень важно. На шоссе всегда тренируются в двойках, и от напарника очень многое зависит, любая группа в нашем виде спорта, какой бы большой она ни была, состоит из пар спортсменов. Именно поэтому Сашка просил меня не обижаться. То, что он решил, касалось лично меня и как минимум требовало объяснения.

– Объяснить не хочешь, с чего это вдруг ты так решил? – спросил я.

– Это, Володя, случилось не вдруг. Ещё летом я понял, что карьера спортсмена мне не подходит, сказать только никак не решался, думал, что моё решение изменится. Слишком уж многое связывает меня с этим спортом. Но несколько дней назад решил окончательно. Ещё и Светка масло в огонь подливает...

– Так, значит, всё дело в ней, – ответил я. – Хочешь, я с ней поговорю?

– Володя, с ней разговаривать не надо, дело во мне, и моё решение не изменится. Да, мы вместе с ней решили пойти в Политех, и наши отношения становятся серьёзными. Но главное, почему я уйду, не в этом. Я считаю, что спорт – это не профессия, нельзя всю свою жизнь проехать на велосипеде. То, что предлагает Иван Трофимович, мне не нужно. Посмотри на него: ему уже тридцать пять, а он с пацанами по улице на мотоцикле ездит.

– Не обязательно становиться таким, как он, – возразил я. – Во-первых, если мы сделаем так, как он предлагает, и поступим в Лесопилку, то получим нормальную профессию, и если в спорте ничего не добьемся, пойдём заниматься деревообработкой. Во-вторых, мы ещё как минимум пять лет будем заниматься тем, что нам нравится, а за пять лет можно и в спорте многого добиться. За это время можно и до сборной страны дорасти.

– Для тебя это, наверное, возможно, – ответил он, – вон как вчера рванул, а мне эта перспектива не светит. Лесопилка меня тоже не привлекает, а тренироваться на велике ещё пять лет хоть и не плохо, особенно если с тобой, но для меня не годится. Я не могу потерять Свету, я хочу поступить вместе с ней в Политехнический институт, да и много чего ещё, и всё это никак не связано со спортом.

– Хоть сезон докатаешь? – спросил его я.

– Не хочу тебя огорчать, но, видимо, не выйдет даже это, – ответил он. – Завтра записываемся на подготовительные курсы, и через неделю все вечера будут заняты – будем готовиться к поступлению. Ты же знаешь, как я учусь, мне нужно подтягиваться.

– Да, добавил ты мне проблем, – ответил я. – Как теперь тренироваться? Напарника мне не найти. В нашей команде его нет и никогда не будет. Менять команду – не вариант. Постоянно плестись в хвосте – нагрузки минимальные, считай, просто прогулка на велосипеде. В этот сезон точно ничего не изменится. Что будет в следующем – неизвестно.

– Володя, не обижайся, – сказал Саша. – Так уж сложилось, пришло время что-то менять. Дальше может быть поздно. Как бы там ни было, но мы же с тобой друзья, ты должен меня понять, надеюсь, что друзьями мы и останемся.

Честно говоря, я очень на него разозлился. Он ради каких-то своих целей практически разрушил все мои планы. Разрушил, не считаясь со мной. «Какая же это дружба? – думал я. – Как он может после всего этого так спокойно о ней говорить?»

– Не знаю, Саша, всё это слишком неожиданно для меня, – ответил я. – Мне нужно всё это хорошенько обдумать и понять, как действовать дальше.

И я замолчал, демонстративно отвернувшись от него. Молчал и он. Чуть позже в кухню заглянула моя мама.

– Что ж вы пирожки не поели совсем? – спросила она.

– Спасибо, Тамара Петровна, – ответил Сашка, – но как-нибудь в другой раз. Мне уже пора.

Мой друг поднялся из-за стола. Я даже не взглянул в его сторону. Выходя, он сказал:

– Тамара Петровна, до свидания. Володя, пока.

– Пока, – еле слышно ответил я, предполагая, что он вряд ли меня услышит.

Хлопнула дверь, и Сашка ушёл.

– Что, Володя, поссорился с другом? – спросила мама.

– Нет больше у меня никакого друга, – ответил я.

Мама подошла ко мне, потрепала по голове и, улыбнувшись, сказала:

– Ты ошибаешься, дружба так просто не кончается. От друзей избавиться совсем не просто.

В понедельник вышло так, как я и предполагал. Саша на тренировку не пришёл, и я тренировался один, без напарника. Я плёлся в хвосте нашей команды. Закрытый от ветра спинами ребят, я почти не напрягался и, проехав, запланированные пятьдесят километров, даже не устал. Мне казалось, что я зря трачу своё время. Тренировка окончилась, и я в плохом настроении отправился домой. Все, включая тренера, это видели. Они понимали моё состояние. Перед самым уходом Иван Трофимович спросил:

– Володя, ты не в курсе, что с Сашей, почему он не пришёл?

– Не знаю, Иван Трофимович, – соврал я, возможно, рассчитывая, что мой друг ещё передумает. – Сам удивляюсь, может быть, простудился.

– Простуда – штука коварная, заболеть каждый может, – ответил он. – Но ничего, вы парни крепкие, день-два, и всё будет в норме. Загляни к нему, проведай, а в среду жду вас обоих здесь.

– Хорошо, Иван Трофимович, загляну, – опять соврал я, зная, что никуда не пойду, мы с Сашкой даже не разговаривали, понимая, что от его болезни за день-два вряд ли поправишься.

В среду, когда я пришёл на тренировку, я нос к носу столкнулся со своим бывшим другом. Увидев меня, он кивнул мне вместо приветствия, молча отвёл глаза и вышел на улицу.

– Володя, зайти ко мне, – позвал тренер из своего кабинета, увидев через приоткрытую дверь, что я пришёл.

Я вошёл в кабинет, догадываясь, о чём будет разговор.

– Присаживайся, – сказал он, указав на стул. – Ты, наверное, в курсе, что Саша решил прекратить занятия спортом. Не знаешь, что с ним случилось?

– Точно не знаю, – ответил я. – Видимо, у него время пришло для такого решения. Никаких внешних причин, насколько я знаю, не было. Скорее всего, он понял, что спорт – не его призвание, и сделал свой выбор.

* * *

Я не стал рассказывать тренеру про Свету, причина, теперь я догадывался, была действительно не в ней. С её помощью Саша взглянул на окружающий нас мир другими глазами. Он увидел, что этот мир значительно больше, чем прямоугольник асфальта под колёсами велосипеда. И ему захотелось увидеть весь этот мир.

Теперь я его понимал.

Нет, я не сказал тренеру, что тоже хочу уйти. В тот момент для меня ещё ничего не было определено. Но мне очень захотелось что-то изменить в своей жизни. Я усомнился в правильности своего выбора, и я больше не был уверен, что спортивная карьера нужна мне. «Вот докатаю этот сезон, – подумал я, – и надо будет всё ещё раз хорошенько обдумать».

* * *

– Может, ты, Володя, и прав, – ответил Иван Трофимович. – Каждый выбирает то, что ему по душе. Жаль только, что так вышло именно с Сашей, даже немного обидно, столько отдано сил, хорошие перспективы. Я строил на его счёт большие планы, как впрочем, и на тебя. Надеюсь, хоть ты бросать спорт пока не собираешься?

Иван Трофимович был очень расстроен.

– Пока не собираюсь, – ответил я.

Тренер внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

Мы помолчали.

– Иван Трофимович, – прервал я молчание, – нужно что-то делать. Саша ушёл, и я остался без напарника. Сами понимаете, так тренироваться невозможно.

– Сложная ситуация, Володя, – ответил он. – В команду никого добавить нельзя. Даже если вдруг найдётся юноша вашего возраста с уникальными физическими данными примерно вашего уровня, что в принципе невозможно, есть ведь ещё техника, опыт, он никогда не сможет вас догнать. Перевести тебя в другую команду – тоже большого смысла нет. Там все разбиты на пары и будет примерно то же самое. Попросить ребят, чтобы они попеременно тренировались в паре с тобой, можно, мне они не откажут, но это, на мой взгляд, некрасиво, они, так же как и ты, хотят нормально тренироваться. Вешать на них свои проблемы не приведёт ни к чему хорошему. Пока, Володя, решения нет, потерпи, со временем всё образуется.

Мы опять замолчали. Всё уже было сказано.

Я оказался в странной ситуации, словно и не было пяти прошлых лет. Все эти годы я думал, что двигался вперёд, но оказалось, что это было не так: я двигался по кругу, и в эту самую секунду вернулся туда, откуда начал своё движение. Я больше не был нужен здесь. Моя пятилетняя гонка закончилась. Я, так же как тогда, пять лет назад, в школьном спортзале, оказался отброшен в сторону неведомой мне силой. И сразу всё встало на свои места: пророчество тренера сбылось – мне предстояло плестись в хвосте нашей команды, постепенно теряя всё, что я наработал за прошлые годы, не имея почти никаких шансов на победу.

Возникло желание бросить всё и уйти вслед за Сашкой, не теряя ни минуты. Но что-то держало меня, к таким поворотам я был пока не готов. Где-то на границе сознания оставалось неявное желание испытать ещё раз то, что я пережил во время последней гонки.

Помучаюсь немного, решил я. Недостаток нагрузок на шоссе можно компенсировать на базе. Буду задерживаться и гонять на станке. До следующего соревнования полторы недели, нужно постараться сохранить свою форму и выступить достойно, потом можно принимать решение.

– Не расстраивайся, Володя, – сказал Иван Трофимович, – безвыходных ситуаций не бывает. Бери себя в руки, и пошли тренироваться, готовь велосипед. Мы и так с нашими разговорами задержали тренировку, ребята наверняка уже ждут.

Я вышел за дверь, прошёл в раздевалку. Все и правда уже ждали.

– Что там Трофимыч? Где Сашка? Ты как? – слышал я вопросы вокруг себя. Но ответить на них я не успел, следом за мной вошёл тренер.

– Ребята, прекращаем разговоры, тренировка, – сказал он. – Не отвлекаемся, мы и так потеряли время, подтягивайтесь, жду во дворе.

Он вышел, а мы последовали за ним.

Тренировка прошла как обычно. Мы проехали стандартные 50 километров. Ребята, попеременно меняясь местами, отрабатывали смену, чередуя нагрузки, – ведущему всегда тяжелей. Иногда тренер прибавлял скорость и нам приходилось ускоряться. Я неизменно замыкал колонну, для меня смены нагрузок не было, и я опять почти не устал. Закрытый товарищами по команде от ветра, я без особых усилий крутил педали, временами притормаживая; казалось, что велосипед едет сам.

Вернувшись на базу, дождавшись, когда ребята разъедутся по домам, я прошёл в спортивный зал.

Там вдоль одной из стен стояло пять неизменных станков. Они стояли здесь всё время, сколько я помнил. В межсезонье их становилось значительно больше, но пока длился сезон, их всегда было пять. Мой любимый был крайний справа. С места, где он стоял, через окно спортивного зала была видна извилистая гравийная дорожка, уходящая в густую зелень старого парка. Он был пронизан такими дорожками, и они во время бесконечных пробежек были изучены мной вдоль и поперёк. Мне всегда нравилось тренироваться на этом станке. Это не требовало от меня пристального внимания, всё было отработано до мелочей. Я крутил педали, оставаясь на месте, смотрел вглубь парка, и всё менялось. Усталость и монотонное движение помогали отвлечься от повседневной реальности, и в определённый момент я переставал ощущать себя в зале – стены исчезали, воображение уводило меня под кроны деревьев в густую зелень парка, в лабиринт его тенистых дорожек, где, как мне казалось, я мчался на своём велосипеде совершенно один. Я забывал про усталость – искрящаяся радость движения и нереальной свободы переполняли меня. Это было похоже на чудо, это и было чудом, которым я не делился ни с кем, и это было одной из причин, почему я не ушёл из секции, потеряв напарника.

В зал заглянул тренер.

– Решил задержаться, Володя? – спросил он.

– Погоняю немного на станке, Иван Трофимович, – ответил я. – На шоссе нагрузок было мало, скоро следующая гонка, я хочу оставаться в форме.

– Ясно, – ответил он, – в твоей ситуации другое придумать сложно. Но ты всё-таки следи за своим состоянием, чрезмерные нагрузки не дают ничего хорошего. Всё должно быть в меру. Я пока не уезжаю, через некоторое время загляну ещё. Аккуратнее, Володя, для поддержания формы многого не нужно, а после тренировки сильно напрягаться может быть опасно. Покрути на станке, ничего в этом плохого нет, но вполсилы, просто чтобы продолжить движение. Завтра я подготовлю тебе индивидуальную программу, она выведет тебя к пику формы через десять дней – к соревнованиям будешь полностью готов.

И он вышел.

Я взял велосипед, поставил его на станок, сел в седло и устремился вперёд, в глубину своего воображаемого парка. Я ехал и ехал по его дорожкам, сворачивая на боковые ответвления, интуитивно выбирая направление. Через какое-то время я даже стал слышать шуршание гравия под колёсами велосипеда.

Движение, как обычно, вызывало во мне радость, но в этот раз мне этого было недостаточно. Я перешёл на повышенную передачу и прибавил оборотов – скорость возросла. Через некоторое время повторил это ещё раз, чуть позже прибавил ещё. Я уже не различал деревьев и больше не узнавал места, по которым ехал. Я оказался на очень длинной широкой аллее, которая по дуге уводила меня вправо.

Я прибавил ещё.

Преодолею пологий поворот и вновь оказался на прямом участке.

– Володя, остановись, – услышал я чуть слышный голос, кричащий мне из-за спины, из-за поворота, который остался позади.

Мне было не до голосов, я упивался своим движением.

– Володя, остановись немедленно, – снова услышал я.

Я этого не хотел и прибавил ещё. Впереди по ходу моего движения образовался холм, дорога пошла вверх. Я стремительно влетел на его вершину. Под колёсами велосипеда гравийная дорожка сменилась асфальтовым покрытием.

«Тот же самый холм», – думал я. Каким-то странным образом я очутился на трассе своей предыдущей гонки.

– Володя... я... я... я... – свистел ветер у меня в ушах.

– Да отвяжись ты, – крикнул я, устремляясь вниз, по противоположному склону холма, ускоряясь ещё.

Ещё один поворот. Впереди я увидел портал финиша, только теперь там никто меня не ждал. За аркой портала было что-то невероятное – тоннель, пронизанный хрустальным светом; я чувствовал, что мне нужно было именно туда.

Внезапно с неба, пытаясь меня остановить, хлынула вода, мгновенно вымочив мою одежду до нитки. Падая на раскалённый асфальт, она превращалась в пар. Я оказался застигнут врасплох этим неожиданным превращением и невольно закрыл глаза. Когда я их снова открыл, то увидел рядом с собой неподвижно застывшего тренера с пустым ведром, окутанного клубами пара. Понял, что нахожусь в спортивном зале, сижу на своём велосипеде, а он, в свою очередь, стоит на станке. Пахло горелой резиной. Я посмотрел вниз и увидел вместо привычных стальных роликов серого цвета – красные, пышущие жаром раскалённые цилиндры, на которых, вращаясь с огромной скоростью, стояли колёса моего велосипеда.

«Я же так покрываю испорчу, – подумал я, – нужно немедленно остановиться».

Но чуть раньше, чем я успел это сделать, один из роликов станка – под моим задним колесом – слетел с разрушившегося крепления. Колесо съехало на пол, покрывка взорвалась, обод колеса забуксовал по паркету, снимая с него стружку. В следующую секунду велосипед швырнуло вперёд, и я пронёсся на нём метров тридцать до спортивной скамьи, стоящей в дальнем конце зала, и на огромной скорости врезался в неё передним колесом. Вылетев из седла, я продолжил своё движение. Пролетев несколько метров, я оказался буквально припечатан к стене. Удар оказался достаточно сильный – я сполз на пол и потерял сознание.

Тренер был прав – я так и не научился контролировать свои силы.

3

Очнувшись, я обнаружил себя в больничной палате. Болело всё. Я попробовал пошевелиться, и у меня это получилось – боль несколько усилилась, но не была острой. «Значит, переломов нет», – подумал я.

– Пришёл в себя, Володя? – услышал я голос своего тренера.

Я с трудом повернул голову влево и увидел его, сидящего на стуле рядом с моей кроватью и внимательно разглядывающего меня.

– Я позвонил тебе домой, разговаривал с твоей мамой, – продолжил он. – Постарался успокоить её, как мог, она скоро приедет. Волноваться и в самом деле нечего. Доктор сказал, что переломов нет, только ушибы, он считает, что, возможно, нет и сотрясения мозга, но это покажет томография, её результаты мы тоже скоро узнаем. Я думаю, что доктор прав, во время тренировок такое бывает – спортсмен, не рассчитав свои силы, от предельных нагрузок теряет сознание. Защитная особенность организма: чтобы спасти себя, он просто отключается. Так было и у тебя, – добавил он. – После тренировки пересел на станок и дал предельные нагрузки. Организм вырубил сознание, ты съехал с роликов станка и практически без сознания проехал через весь зал, врезался в скамейку, вылетел из седла, пролетел несколько метров до стены зала и там закончил своё движение.

Я с удивлением смотрел на него и никак не мог понять. Он действительно видел только то, что рассказывает, или просто специально недоговаривает, определяя, что помню я.

– Вижу, требуются пояснения, – сказал Иван Трофимович, вглядываясь мне в глаза. – Твоя память, судя по всему, не пострадала. То, что я минуту назад рассказал тебе, – укороченная версия случившегося, довольно правдоподобная версия, в которую я сам с удовольствием бы поверил, если бы не видел всего остального. Пусть она такой и останется, иначе очень сложно будет объяснить, что случилось, людям, которых там не было. Очень сложно найти этому объяснение.

– А как же сломанный станок, разбитый велосипед и...

– Убрал все улики этого происшествия до приезда «скорой помощи», – перебил он меня. – На базе, кроме нас с тобой, в это время никого не было, так что других очевидцев нет. Сломанный станок спрятал пока в кладовой и на его место поставил другой. Твой велосипед заменил резервным – незачем кому-то видеть рваные покрышки. Теперь, Володя, всё вписывается в схему, которую я тебе обрисовал. Давай будем её и придерживаться, незачем будоражить других людей. Скорее всего, нам никто не поверит, а если поверят, то мы просто увязнем в объяснениях. Давай лучше, когда придёшь немного в себя, выпишешься из больницы, разберёмся с этой ситуацией без свидетелей.

– Хорошо, Иван Трофимович, – ответил я.

Позже пришла моя мама, плакала, сидя у моей кровати. Мы с тренером наперебой пытались её утешить. Несколько позже пришёл доктор и успокоил нас всех. Сотрясение мозга не подтвердилось, никаких повреждений, кроме ушибов, у меня не обнаружилось.

Доктор прописал мне покой, раньше чем через три дня выписаться из больницы не разрешил и на месяц отстранил от занятий спортом.

Три дня в больнице пролетели быстро – моя тренировка на станке отняла у меня слишком много сил, и эти три дня я в основном спал.

Через три дня меня выписали, но сказать, что я здоров, я бы не смог. Ушибы доставляли при движении массу проблем: рёбра, правая рука и нога, голова – всё, чем я ударился, болело, и я старался двигаться как можно меньше. Дом – школа – дом, вот и весь мой маршрут, на большее меня бы и не хватило. Но всё проходит: неделя мучений, ещё дней пять значительных неудобств – к концу второй недели боли почти перестали меня беспокоить.

Я почувствовал, что пора навестить своего тренера.

Выбрав день, я приехал на базу за два часа до начала тренировки в надежде застать Ивана Трофимовича и поговорить с ним без свидетелей.

Он оказался там.

– Видишь, Володя, как бывает, – сказал он. – Целая цепь неприятностей. Напарник ушёл. Травма, слава богу, ничего серьёзного, но это задержало тебя на месяц, а за это время сезон скорее всего закончится. Ещё две недели тебе нельзя тренироваться, а сколько нам осталось выездов на шоссе? Сказать трудно – по ночам уже подмораживает. Максимум эти две недели и остались и, возможно, одна-единственная гонка на закрытие сезона, да и то если погода позволит. – Не повезло.

– Я, Иван Трофимович, пришёл поговорить не об этом, – сказал я.

– Знаю, Володя, что не об этом, – грустно ответил он. – Это я так, размышляю вслух о превратностях судьбы и стечении роковых обстоятельств, ведущих нас к принятию решений. К сожалению, они не всегда оказываются приятными, не всегда однозначны. Но как бы то ни было, в серьёзных вопросах решать нужно всё самому, по возможности не откладывая, в противном случае может оказаться слишком поздно.

Я никак не мог понять, куда он клонит, но Иван Трофимович не дал мне возможности переспросить.

– Так вот, Володя, – добавил он, – прежде чем мы продолжим разговор, послушай одну историю, это должно тебе помочь.

История тренера

Случилось это давно, много лет назад. Я в составе сборной команды нашего города участвовал в групповой гонке на первенство Советского Союза. По результатам этой гонки отбирались кандидаты в сборную страны для участия в чемпионате мира. Представляешь ответственность? В перспективе совершенно другой уровень, возможность, которую упустить было нельзя. Я в те времена занимал в рейтинге 28#ю позицию, но чувствовал, что мои силы растут и я способен на большее. Мне было 23 года, я был полон амбиций, и у меня всё ещё было впереди.

Трасса в горной местности, очень сложный маршрут. 115 километров сплошных спусков и подъёмов. Для меня это было совсем неплохо, физически я был очень силен. Но гонка, а особенно групповая гонка – это всегда лотерея. Нельзя постоянно лидировать – как бы хорошо ни был подготовлен, это попросту невозможно. Участники разбиваются на группы, растягиваются по дистанции. Чтобы ускориться и уйти в отрыв, нужно иметь не только силы, но и возможности. На горной извилистой трассе, оказавшись в той или иной группе, невозможно объективно понять, с какой скоростью ты движешься, далеко ли лидеры, каково отставание от них. Эта информация необходима, нужно понимать, надо ли и дальше экономить свои силы для заключительного рывка или отставание становится критичным и стоит постараться сократить его немедленно, так как потом это будет сделать сложно. Конечно, помогают помощники тренера, отслеживают эти моменты, и время от времени ты получаешь нужную информацию, но это происходит нечасто, приходится полагаться на интуицию.

В той гонке у меня не заладилось с самого начала. На старте, а при общем старте особенно, нужно быть очень внимательным. Все стараются вырваться вперёд, мешают друг другу, нередко вольные или невольные толчки. Мне не повезло, внимательным я не был и попал в завал. Повреждений я не получил, велосипед, когда я выбрался из завала, тоже, к счастью, оказался исправен, но я потерял время. Драгоценное время, которое было не восполнить ничем. Я оказался в хвосте плотной группы, которая занимала всю ширину шоссе. После первого отрезка дистанции на двадцать пятом километре я отставал от лидера

на шесть минут и был сто тридцать восьмым. Значительное отставание. Я чувствовал в себе силы и мог бы его сократить, но у меня не было такой возможности – не было ни единого просвета, в который я мог бы проскочить, чтобы постараться уйти в отрыв. Мне ничего не оставалось, как двигаться в заданном ритме и стараться не попасть в новый завал.

На отметке в пятьдесят километров отставание от лидеров составляло шестнадцать минут, и это было уже очень много. Но моя группа тоже начала редеть, и у меня появилась возможность попытаться нагнать упущенное время. Я знал, что это почти невозможно. Передвигаться быстрее группы, в которой спортсмены попеременно меняются, закрывая друг друга от ветра, и тем самым удерживают заданный ритм, можно, но очень недолго, и это очень тяжело. Мне же предстояло проехать ещё шестьдесят пять километров и постараться обогнать их всех.

Я прикинул, как мне нужно двигаться, чтобы сократить отставание. Расчёты оказались неутешительными. Получалось, что я должен был прибавить к своей скорости в среднем десять километров в час. Тогда, если мне ничего не будет мешать, а скорость лидеров не изменится, я смогу их догнать.

Так, к сожалению, не бывает, ничто не остаётся без изменений – возникают нестандартные ситуации, снижающие скорость, лидеры ускоряются, соперники мешают идти на обгон, могут быть и механические повреждения... да что я рассказываю, ты и так всё это знаешь не хуже меня.

Так вот, прикинув всё это, я понял, что прибавлять к своей скорости придётся не десять, а все тринадцать-четырнадцать километров в час. Это невозможно, решил я. Вряд ли получится выдержать такой ритм на всей оставшейся дистанции, это никому не по силам. Но мне нечего было терять. Если не выдержу и сойду с дистанции, решил я, это будет всё-таки лучше, чем сдаться, не пробуя победить. Сдаваться я не собирался, и я рванул.

Передвигаясь в группе первые пятьдесят километров, я почти не растерял свои силы, поэтому следующие двадцать пять дались мне сравнительно легко. Я промчался их на одном дыхании, сократив отставание сразу на пять минут. На отметке семьдесят пять километров я был уже пятьдесят восьмым. Но вот дальше всё оказалось намного сложнее – мои силы были не беспредельны.

Ещё через десять километров я отставал на десять минут и стал пятьдесят четвёртым. Следующие десять километров дались мне очень тяжело, я обогнал ещё шесть человек, но отставание от лидеров не изменилось, видимо, они тоже ускорились. Я понимал, что у меня шансов нет. В одиночку двигаться дальше, ускоряясь, я больше не мог. Пришло время менять тактику. Я пытался двигаться, не теряя ритма, пытаюсь поймать момент, когда не смогу больше этого делать, чтобы пристроиться к какой-нибудь группе.

На отметке сто километров я словно в тумане услышал, что я сорок второй и что отставание от лидера двенадцать минут. Отставание снова стало увеличиваться.

Я настолько устал, что почти ничего не чувствовал и не видел вокруг себя. Я контролировал только свой велосипед, часть дороги под его колёсами, пространство в несколько метров вокруг себя и ритм, с которым двигалось моё тело. Всё остальное на тот момент перестало для меня существовать, да и этот контроль стал к тому времени почти бессознательным, всё происходило автоматически. Наверно, поэтому я не сразу заметил перемены, происшедшие со мной и вокруг меня.

Сначала я ничего не понял.

Исчезли звуки, и я подумал, что что-то сломалось во мне. Я огляделся. Мир вокруг почти остановился. Передо мной и за мной по шоссе двигались спортсмены, на обочине стояли люди, всё происходило как при замедленной съёмке. Над дорогой зависла чайка, неестественно медленно махая крыльями, – она была от меня метрах в ста, но я совершенно чётко видел все её неторопливые движения, каждую её чётточку, каждое перо, я даже успел пой-

мать её удивлённый, недобрый взгляд, прикованный ко мне. Я отвёл от этой птицы глаза, взгляделся внимательно дальше, скользнул взглядом по серпантину дороги. Это было невероятно, это было вне поля моего зрения, но далеко за изгибами дороги я увидел лидеров, они тоже двигались медленно, а ещё дальше, впереди, я увидел финишную черту с красочным порталом над ней и человек пятьдесят людей вокруг этого портала, ожидающих окончания гонки. Я поймал себя на том, что не чувствую усталости, мало того, меня в тот момент переполняла непонятная, рвущаяся наружу энергия, при мысли о которой мне почему-то на мгновение представился искрящийся хрустальный свет. Это видение было недолгим, но я до сих пор не могу его забыть. Именно в тот момент я понял, что для меня ничего не потеряно: я, если постараюсь, смогу догнать лидеров, находящихся впереди меня, и произойдёт это раньше, чем они успеют пересечь финишную черту. В своём новом состоянии я мог легко просчитывать любые возможности.

Я ускорился – в тот момент я был быстрее всех на том шоссе. Мне больше не были нужны подсказки на контрольных точках дистанции. В тот момент я сам мог видеть своё отставание, контролировать скорость продвижения и определять любые расстояния, которые мне требовалось преодолеть. Да и не было больше на этой трассе контрольных точек, все они остались позади, до окончания оставалось четырнадцать километров, впереди был только финиш, сорок соперников, которых мне предстояло обогнать, и меньше десяти минут объективного времени, за которое мне нужно было успеть это сделать. В тот момент я знал, что успею, время перестало быть для меня объективным.

Я прибавил оборотов и устремился вперёд. Прерывистая полоса шоссе превратилась в сплошную линию. Сопротивления ветра больше не было, казалось, он тоже остановился, пропуская меня, возможно, я оказался даже быстрее его.

Пять километров, десять, двенадцать, тринадцать, впереди оставался последний поворот, один километр дистанции и десять человек лидирующей группы. Они не спеша обогнули скальный выступ – я устремился за ними, прибавляя ещё. По широкой дуге прошёл поворот, выскочил из-за скалы, с трудом удерживая велосипед от заноса, и увидел их – своих соперников, которых мне предстояло обогнать. Они заняли всю ширину шоссе, видимо, перестроившись из колонны в шеренгу, пытаюсь обогнать друг друга на последнем отрезке дистанции. Я был значительно быстрее, приближался слишком стремительно, а между ними не было расстояния, сквозь которое я мог бы проскочить, чтобы их обогнать. Тормозить было уже поздно, у меня не оставалось выбора. Чтобы избежать столкновения я сместился к обочине, рядом с которой оказался после поворота, пробуя обогнать по ней.

Спортивный велосипед не рассчитан на движение по щебню, именно таким было покрытие, на которое слетело колесо. Съехав с асфальта, покрышка переднего колеса не выдержала и лопнула мгновенно.

Я потерял управление и улетел под откос.

На моё счастье, за кромкой дороги не было пропасти, просто крутой склон, на нём в отдельных местах выступали валуны, росли кусты и редкие чахлые деревья.

Я пролетел по склону метров двадцать, пробивая колючие кусты, попадающиеся на моём пути и тормозящие моё движение. Мне повезло: камень, на который я налетел, оказался в конце моего пути, там, где моя скорость значительно снизилась, и там, где мне было необходимо остановиться. Ниже откос становился намного круче, и если бы я улетел туда, у меня уже не было бы никаких шансов.

Камень, который остановил моё движение, спас мне жизнь, но вышиб из меня сознание. От удара я кроме сотрясения мозга получил перелом правой ноги и сломал два ребра. Когда я пришёл в себя, мне поначалу показалось, что не случилось ничего страшного, травмы не слишком серьёзные, а в нашем виде спорта такое иногда случается.

Но всё оказалось значительно хуже, чем я предполагал.

Я провёл две недели в больнице, дальше было два месяца реабилитации, затем я получил окончательный диагноз: к спорту непригоден. Травма правой ноги оказалась очень серьёзной, и полностью восстановить её двигательные функции врачи так и не смогли.

В двадцать три года я стал инвалидом.

Конечно, есть люди, которым значительно хуже, чем мне. Я, по крайней мере, могу спокойно двигаться. Поначалу я немного хромал, сейчас незаметно даже это. Боли иногда усиливаются, иногда становятся невыносимы, приходится обращаться к врачам, но я давно к этому привык. Самое страшное в моей ситуации не это.

Страшней всего то, что я сумел прикоснуться к неведомому – сумел почувствовать, поймать состояние беспредельной свободы от чистого движения. Движения, которое выше чувств, выше физических законов этого мира. Искрящийся хрустальный свет, чудо, которое для меня уже недоступно.

Это странное состояние, Володя. Его очень сложно контролировать. Со мной оно было недолго, но, думая об этом много лет, я считаю, что оно вообще не поддаётся контролю. Нет в человеке сил, достаточных для этого. Оно не из этого мира – страшная сила, способная подхватить на гребне своей волны, наполнить искрящимся светом и убить, если ты не сможешь удержаться.

* * *

Я не знал, что на это сказать. Возможно, тренер был прав. Я испытал это состояние дважды, и оба раза это действительно чуть не убило меня, но именно чуть, для меня это и являлось решающим. Да, это сила, которая может убить, но мне казалось, что это не слепая сила и такой задачи вовсе не ставилось. Наоборот, что-то оберегало нас, глупых людей, вольно или невольно прикоснувшихся к хрустальному свету, и в последний момент отводило беду; зачем-то мы были ещё нужны.

Но тренер был прав: это было опасно и это было трудно контролировать. И лично мне было страшно от того, что я не знал, зачем был нужен этой силе. А ещё страшнее мне было от того, что я не мог даже представить, как далеко заведёт меня она, если я поддамся её искушению и сумею при этом выдержать её воздействие.

* * *

– Так вот, Володя, – добавил Иван Трофимович, – не знаю, что испытывал ты, но предполагаю, что нечто похожее, и потому хочу предостеречь тебя. Мы с тобой прикоснулись к чему-то неведомому, к чуду, которому нет объяснения. Почему так случилось? Почему мы встретились с тобой? Ответов у меня нет, но то, что я не знаю ответ, не значит, что всё произошло случайно. Случайностей не бывает, для всего есть причина – непонятная нам с тобой. Лично мне не очень хочется её знать. Неприятностей мне хватило с лихвой и без этого. Посмотри, что стало со мной. Кем я стал? Жалкий неудачник, почти инвалид. Разве я мог тогда предположить такое? Я посвятил себя спорту, имел хорошие перспективы, от сборной страны меня отделял всего один шаг. Но я на мгновение прикоснулся к неведомой силе, краем глаза увидел её удивительный свет, растворился в её блаженной свободе – удивительной свободе неудержимого движения. Взлетел на короткий миг на гребне её волны и, не удержавшись, почти в то же мгновение рухнул на самое дно, потеряв смысл своего дальнейшего существования, не имея возможности просто, как все, перемещаться в пространстве. Теперь движение причиняет мне боль. Если ты понимаешь, о чём я, – почти кричал он, – беги, Володя, беги отсюда, пока не поздно. Не дай этому развиваться в себе! Забудь о том, что случилось, иначе рано или поздно оно убьёт тебя!

– Я думаю, вы преувеличиваете, – чуть слышно возразил я.

– Что? Преувеличиваю?! – закричал он, вытаращив на меня почти безумные глаза. – Я, Володя, преуменьшаю. Я мог бы многое ещё рассказать тебе. Например, как чуть не спился от безысходности, как чуть не наложил на себя руки, после того как больше трёх лет пытался вернуть себе прежнюю форму, наплевав на уверения всех врачей, после того как отчаялся окончательно, убедившись, что спорт закрыт для меня навсегда.

– Но он не закрыт для вас – вы тренер, – возразил я. – Конечно, это не совсем то, что быть спортсменом, но всё же... Вы передаёте свой опыт, учите таких, как я, помогаете нам поверить в себя, в свои силы. Вы дали мне возможность стать человеком. Вы не оттолкнули меня тогда...

– Володя, – перебил он меня, – я ничего не сделал. Ты всегда был человеком. Даже тогда, когда тебе было 11 лет, ты был большим человеком, чем я. Поверь мне, я говорю это искренне. И я очень хочу, чтобы ты и дальше оставался таким. Я не могу допустить, чтобы с тобой случилось что-то плохое. Я отстраняю тебя от занятий спортом. И прости меня, но это окончательное решение.

Повисло молчание. Такого решения тренера я не ожидал.

– Так вы что, гоните меня? – с удивлением спросил я, осмыслив то, что сказал Иван Трофимович.

– Да, Володя, можно сказать и так, – ответил он. – Поверь, это необходимо для тебя. Я не могу позволить, чтобы ты стал таким же, как я. Здесь, продолжая тренироваться, ты придёшь к этому неизбежно, там у тебя остаётся небольшой шанс. Но помни, твои новые способности никуда не ушли, рано или поздно они проявятся снова. Они проявляются даже у меня, хотя это и не так ярко, как на той гонке, намного слабее, и вряд ли я смогу себе ещё навредить, но...

– Я не хочу уходить, Иван Трофимович, – ответил я твёрдо, перебив его. – По крайней мере, не так – не из-за неубедительных доводов, которые вы мне сейчас привели. Я хочу разобраться во всём сам и только после этого принять окончательное решение.

– Есть ещё кое-что, о чём ты, возможно, не подумал, – сбавив тон, тихо добавил он. – Остальные ребята нашей команды. Как быть им?

– А при чём тут они? – удивился я.

– Они пока ни о чём не догадываются, – сказал тренер. – Предполагают, что ты сильнее, чем они думали раньше, но пока очень слабо представляют, насколько сильнее. Ты не сможешь скрывать это вечно, рано или поздно они всё поймут. Как они будут чувствовать себя при этом? Кем они будут считать тебя?

Снова повисло молчание. Последнее было действительно важно для меня. Я вовсе не хотел становиться белой вороной – изгоем среди своих друзей, монстром, от которого все отвернутся. Я хотел жить нормальной человеческой жизнью, и я был совсем не готов отказаться от каких бы то ни было её составляющих.

– Тебе больше не нужны мои тренировки, – добавил он, – всё, что тебе нужно, – это тренировать контроль над собой и стараться сдерживать свои новые возможности, которые у тебя будут проявляться.

В кабинет к тренеру заглянул Сергей, мой одноклассник и капитан нашей команды.

– Иван Трофимович, скоро тренировка? – спросил он. – Ребята уже собрались. Володя, привет! Ты как? – обратился он уже ко мне.

Я молча пожал плечами.

– Скоро начнём, Сергей, передай ребятам, пусть готовятся, подождите ещё несколько минут, – ответил Иван Трофимович.

Сергей вышел за дверь.

– Так вот, Володя, – обратился тренер ко мне, взглянув мне в глаза, – очень жаль, что всё так вышло. Прости ещё раз за то, что приходится так поступать с тобой. Но ты ведь и сам почти решил то же самое.

Я снова вместо ответа пожал плечами.

Я вовсе не был уверен, что до разговора с тренером безоговорочно решил покинуть секцию. Мне казалось, что я, наоборот, искал причины остаться.

Тренер грустно взглянул на меня.

– Надеюсь, Володя, после случившегося мы врагами не станем, – сказал он. – Мы ведь теперь, можно сказать, товарищи по несчастью. Не исчезай, заглядывай как-нибудь.

– Хорошо, Иван Трофимович, – ответил я.

Больше мне ответить было нечего – мы уже всё сказали друг другу. А после такого разговора незачем было и оставаться. Я встал и, не глядя на тренера, вышел за дверь, забыв пожать ему руку.

В тот момент я думал, что обратно никогда не вернусь.

Я ушёл, чувствуя себя обиженным. Злой на весь свет, который вдруг, так неожиданно, ополчился на меня. Мне казалось тогда, что все, кто окружают меня, стараются мне помешать, остановить, усложнить моё продвижение вперёд.

Я шёл по улице и еле сдерживал слёзы. Мой привычный мир, мой образ жизни в одночасье оказался разрушен, и я в тот момент не очень представлял, что делать дальше. Я шёл и тихо ненавидел всех – своего тренера, своего бывшего друга Сашку, его подругу Свету, даже Сергея – капитана нашей команды. Я думал, что все они так или иначе причастны к тому, что случилось со мной, и вольно или невольно делают мою жизнь невыносимой.

– Это нужно тебе... – еле слышно повторял я услышанные слова.

– Что, что мне нужно, Иван Трофимович? – спрашивал я, не рассчитывая получить ответ. – Откуда вы можете знать, что нужно, а что не нужно мне, если я сам этого толком не знаю?

Я шёл к себе домой, и мне было невыносимо грустно. Я понимал, что уже завтра всё для меня станет по-другому. Да что там завтра, уже сегодня изменилось всё. Я представлял, как приду к своей маме и она меня спросит:

– Володя, ты как? Что делал сегодня вечером? Как успехи? Что будешь делать завтра?

Что я должен ей ответить? Спасибо, плохо. Сегодня вечером разговаривал со своим тренером. Успехами то, что случилось, назвать нельзя, после нашего разговора он выгнал меня из секции. Завтра я пойду в школу, а после школы мне будет делать совершенно нечего, настолько нечего, что даже тошно жить.

Этого я сказать ей не мог, но и врать я ей так и не научился, она всё равно всё увидит и всё поймёт...

Я открыл своим ключом дверь квартиры, вошёл в прихожую. Постарался раздеться как можно тише и незаметно пройти в свою комнату.

– Володя, зайти на минутку, пожалуйста, а то мне сейчас не отойти от плиты, – позвала мама из кухни.

– Хорошо, мама, – ответил я, – только зайду в ванную, нужно вымыть руки.

Я включил воду и взглянул на себя в зеркало. Странное, потерянное лицо, беспокойный взгляд. Я был похож на затравленного зверька, который не ждёт от будущего ничего хорошего. Нужно срочно что-то с собой делать, думал я, она сразу догадается, что со мной не всё благополучно, начнёт задавать вопросы, а я ничего не смогу ей толком ответить.

Я вошёл в кухню, мама взглянула на меня, и я увидел, что она всё поняла.

Она выключила газовую плиту, на которой стояла кастрюля с чем-то недоваренным, наскоро вытерла руки кухонным полотенцем и подошла ко мне.

Я не удержался и обнял её, она обняла меня в ответ.

– Бедный, бедный мой мальчик, – сказала она, поглаживая меня по голове. – Что бы ни случилось, Володя, – добавила она, – знай, что на этом свете нет ничего непоправимого.

– Не знаю, мама, – грустно ответил я, – сейчас мне кажется по-другому.

– Не хочешь рассказать? – спросила она.

– Извини, но пока мне трудно об этом говорить, – ответил я.

Моя мама была мудрая женщина, она не стала ничего выпытывать, мы просто стояли, обнявшись, она гладила меня по голове, и от этого мне становилось значительно легче.

* * *

Я смотрел на себя с высоты прожитых лет и видел, насколько же я был наивен тогда, насколько самолюбив и эгоистичен. Оказавшись в странном месте, в преддверии чего-то нового, я всё увидел по-другому. Здесь не было ничего, что требовало сравнения, здесь не было и не могло быть компромиссов, и всё являлось тем, чем было на самом деле.

Я видел, как я неуверенно продвигался вперёд – жалея себя, ругая в душе своих друзей, не понимая тогда, что они ни в чём не виноваты. Они, так же как и я сам, пытались жить, принимали решения, совершали поступки. Делали это в соответствии со своими, им одним понятными правилами. Пытались двигаться дальше в своём собственном направлении, и никто из них не ставил цели мне навредить. Всё, что происходило со мной тогда, было следствием череды моих собственных неправильных действий. То, что я ушёл из спорта безвозвратно, было моим выбором – моим, и ничьим больше.

Там я этого не понимал.

Там я ещё не знал, что по-другому и не бывает.

Никто и ничего с нами не делает – мало того, и не может сделать, пока мы сами не позволим это.

Мы отдаём себя на откуп случайностям и обстоятельствам только тогда, когда не можем позволить себе быть независимыми, когда не можем взять на себя ответственность, которая при этом неизбежно возникает, и прежде всего перед самим собой. Это трудно и страшно – плыть по течению намного легче. Сопrotивляясь обстоятельствам, приходится принимать решения, делать выбор, менять что-то в себе и вне себя – при этом потери неизбежны. Если выбор окажется неудачным, можно потерять всё и остаться ни с чем. Но если выбор окажется правильным, а решимости и сил хватит, награда может превысить любые потери. Жизнь неизбежно наполнится снова, и она окажется наполнена так, как нужно тебе.

* * *

Тогда я этого понять не мог, у меня не было для этого нужного опыта. В отчаянье жалел себя, злился на кого-то, самолюбие не позволяло взглянуть на ситуацию с другой стороны. На самом деле вариантов развития событий было несколько.

Тот разговор с Иваном Трофимовичем был намного более эмоциональным, чем конструктивным. Мой тренер много лет назад перестал верить в себя, был слаб и подвержен обстоятельствам. В момент разговора это его состояние было на максимуме, и он почти не контролировал себя.

То, что случилось тогда в зале, напугало его. Это событие могло изменить привычный уклад его жизни, а он не хотел перемен, боялся их. Не ожидая от жизни ничего хорошего, он считал, что перемены только к худшему.

Я видел, что если бы я смог тогда преодолеть себя, отбросить глупые обиды и самолюбие, если бы я смог тогда вернуться, то всё дальнейшее могло бы сложиться по-другому.

А вот могло ли? Не слишком ли я самоуверен? Способен ли человек управлять своей судьбой? Я задавал себе эти вопросы и видел, что да – пусть в пределах отпущенных ему возможностей, но всё-таки да.

Я видел, что у меня была как минимум ещё одна возможность.

Она могла быть использована до начала июня 1981 года. Дальше такой возможности не существовало. Если бы я справился с собой в пределах этого времени, то всё достаточно легко могло бы вернуться в привычное русло, а я мог бы двигаться дальше, не меняя направления.

Но я сам не знал тогда, что нужно мне. Я одинаково хотел уйти и остаться. Уйти оказалось проще, и я отправился дальше по пути наименьшего сопротивления.

Правильно ли я поступил тогда?

Здесь, на краю своей жизни, это было невозможно понять. Здесь всё было равнозначно и не поддавалось сравнению, но зато именно здесь я мог видеть, что могло бы случиться, если бы я поступил иначе.

Потерянная возможность

1

Полностью восстановившись после болезни, я вернулся на базу. Прошёл в кабинет тренера. Иван Трофимович удивлённо взглянул на меня и как-то неуверенно спросил:

– Володя, мне кажется, мы уже всё с тобой решили?

– Вот, Иван Трофимович, заглянул на минутку, – ответил я. – Исчезнуть совсем никак не получается. Или мне лучше уйти?

– Что ты, что ты, кто ж тебя гонит, проходи, присаживайся, – ещё более неуверенно ответил он. – Рассказывай, что ты, как?

– Рассказывать в принципе нечего, – сказал я. – Был у доктора, сегодня он снял с меня все ограничения. Выздоровел и могу продолжать тренировки. Форму, конечно, за время болезни потерял, но думаю, что это вполне восполнимо.

– Володя, мне очень жаль, что с тобой приключились все эти неприятности, но я же объяснил тебе свою позицию, – ответил он. – Я не могу допустить тебя до тренировок.

– Иван Трофимович, – ответил я, – я вас прекрасно понимаю, но сезон уже кончился. Какие тренировки? Пробежки в парке и работа в зале на станке.

– Помнишь, что было в последний раз, когда ты крутил на станке? – спросил он. – Если это повторится, да ещё в присутствии ребят...

– Помню, Иван Трофимович, – перебил я его, – вы правы, рисковать не стоит. Работа в зале отменяется. Но и вы должны меня понять, вы же всю жизнь в спорте – невозможно мгновенно бросить то, что стало частью тебя. Спорт – мой образ жизни, и мне необходимо тренироваться. Неважно как, неважно где, но мне необходимы нагрузки. Здесь моя секция, команда, я привык приходить сюда. Бойтесь пускать меня на станок – ладно. Давайте я буду просто приходить на пробежки и тренироваться с ребятами в парке.

– А что я скажу остальным? – спросил тренер.

– А что нужно говорить? – не поняв вопроса, переспросил я.

– Что я скажу ребятам, когда они перейдут после пробежки тренироваться в зал, а ты нет?

– Иван Трофимович, всё просто, – ответил я. – Сказать можно что угодно. Например, что после болезни я восстановился не полностью, нагрузки мне разрешены, бегать могу без ограничений, а вот велосипед пока противопоказан, что у меня травма ноги, что-то с суставом, и мне запрещены круговые движения. Скажите, что это, возможно, никогда не пройдёт, тогда и вам, и им будет легче. Никто не предложит мне сесть на велосипед, а ребята перестанут видеть во мне соперника.

Тренер задумался. Он прокручивал в голове предложенную схему, пытаясь найти в ней что-то потенциально опасное для себя. Риски, конечно, были. Я мог по-тихому пробраться в зал, сесть на станок и... Но я сказал тренеру, что не стану этого делать, а мы всегда доверяли друг другу, и причин менять эти отношения не было.

– Ладно, Володя, приходи, – наконец решился он. – Но давай сразу договоримся: до первого инцидента, даже до первого намёка на инцидент.

– Спасибо, Иван Трофимович, – ответил я.

Всё повторилось, круг замкнулся, тренер снова, как и много лет тому назад, сделал то, что было нужно мне. Я мог приходить на тренировки, совершать пробежки в парке. Теперь я мог делать это беспрепятственно. Я знал, что там, в его глубине, есть тайные тропы. Их – в определённый момент и поймав особое состояние – можно найти. Я надеялся, что когда-нибудь они приведут меня к хрустальному свету – к чуду, до которого я в прошлый раз так и не добрался. «Ничего, – думал я, – в следующий раз обязательно получится, и для этого не обязательно нужен велосипед».

Всё снова встало на свои места.

Мама, как всегда, оказалась права.

– В этом мире нет ничего, что было бы невозможно исправить, – говорила она.

Я тренировался со своей командой. Каждая тренировка начиналась в парке – десять километров интенсивного бега по извилистым дорожкам. Затем ребята отправлялись в зал, а я оставался и продолжал свой бег, ускоряясь и замедляясь, давая разные нагрузки, пытаясь вернуть свою прежнюю физическую форму.

Постепенно ребята из команды перестали относиться ко мне всерьёз. Нет, они не стали относиться ко мне хуже, я по-прежнему был для них свой. Годы совместных тренировок просто так со счетов не спишешь, но что-то менялось. Не знаю, что им сказал про меня Иван Трофимович, но они решили, что велоспорт для меня закрыт навсегда, и я перестал быть для них полноценным членом команды, но, к счастью, товарищем всё ещё оставался. Это, как предполагал я, как догадывался тренер, долго продлиться не могло.

Спорт – это тяжёлый труд, и они работали, выполняя серьёзную программу. У меня такой программы не было, я просто бегал с ними в парке, иными словами, путался под ногами. Они, тренировались профессионально, я же, по их мнению, был просто любителем, который, тренируясь с ними, развлекается ради собственного удовольствия и может бросить всё в любой момент, как только это ему надоест.

Отчасти они были правы. И с этим ничего поделать было нельзя – очень плохо, когда в команде есть человек, интересы которого с этой командой не совпадают. В будущем конфликт был неизбежен.

Отказаться от своих тренировок я не мог – я не набрал после болезни нужную форму и был всё ещё очень далеко от своего первоначального состояния. От пробежек именно в этом парке по понятным причинам тоже – где-то там, в его глубине, находился проход к хрустальному свету, и я всё ещё надеялся его найти.

Но оставлять всё как есть было уже нельзя – я и моя бывшая команда мешали друг другу.

Я снова пошёл в кабинет Ивана Трофимовича.

– Этого я и боялся, – ответил он, выслушав мои объяснения. – И что теперь, Володя, прикажешь мне делать?

– Не знаю, Иван Трофимович, – ответил я, – советовать я не имею права, но, может быть, выбрать время, когда я не буду никому мешать?

– Это сложно, – ответил он, – в спортшколе много команд, ребята разного возраста, разной подготовки. Сейчас не сезон, каждая команда в большей или меньшей степени проводит тренировки на улице. Мы стараемся делать так, чтобы они не пересекались, поэтому свободного времени почти нет. Нужно посмотреть расписание их занятий, поговорить с другими тренерами, поговорить с руководством спортшколы и попытаться вклинить во всё это твои индивидуальные занятия бегом. Занятия не совсем по профилю, вне тренировочного процесса. Как ты себе это представляешь?

Я ничего не сказал и, опустив глаза, ждал, что мне скажет он. Молчал и тренер, видимо, пытаюсь найти приемлемое решение или способ тактично выставить меня за дверь.

Наконец Иван Трофимович нарушил молчание.

– Я попробую, – тихо сказал он. – но особо на это не рассчитывай. Есть только одна причина, по которой руководство спортшколы может пойти тебе навстречу: твоя травма. Несуществующая травма, прошу заметить. Мы ведь с тобой прекрасно знаем, что после болезни ты, по мнению врачей, совершенно здоров. Так вот, если никто не станет копаться в медицинских бумагах, при этом окажется, что свободное время для твоих занятий есть и руководство посчитает это приемлемым, учитывая свою как спортивной организации косвенную вину в том, что случилось с тобой, может быть, что-то и получится.

– Спасибо Иван Трофимович, – ответил я.

– Не благодари, Володя, пока не за что, – ответил он. – Я очень сомневаюсь, что смогу тебе помочь. Сегодня понедельник, завтра я попробую поговорить с директором и посмотрю расписание. В среду, возможно, появится решение. Пока в нашей команде конфликта нет, приходи и тренируйся как обычно. Появится решение – хорошо, не появится – хуже, но менять и в этом случае ничего не будем, по крайней мере до тех пор, пока твоё пребывание в команде не станет критичным. Тогда, если это случится, тебе придётся уйти.

Решение появилось только через неделю. К тому времени я почти перестал надеяться, почти отчаялся. За это время ситуация в нашей команде стала стремительно развиваться в худшую сторону – до конфликта было недалеко.

Честно говоря, для себя я решил: если меня попросят уйти, я молча это приму и сопротивляться обстоятельствам больше не буду. «Если это случится, – думал я, – то так тому и быть – я уйду и постараюсь забыть всё, что случилось со мной. Раз в этом мире всё против меня – справиться с этим скорее всего невозможно, и нет никакого смысла мучить себя».

В следующий понедельник, когда я пришёл на базу, первым, кого я встретил, был мой тренер – он поджидал меня у дверей.

– Пойдём, есть разговор, – сказал он, приобняв меня за плечи и увлекая за собой в свой кабинет.

– У меня для тебя, Володя, есть две новости, – сказал он, усаживаясь за свой стол.

– Одна хорошая, а другая плохая? – спросил я, улыбаясь.

– Нет, Володя, – ответил он, – Одна плохая, а другая, на мой взгляд, ещё хуже.

– Как это? – невольно вырвалось у меня.

– Суди сам, – ответил тренер. – В команде конфликт. До тебя, минут десять назад, ко мне приходил Сергей. Он от лица команды вкратце обрисовал текущие настроения. По его словам, ребята больше не хотят и не могут терпеть твоё присутствие. Они считают, что ты отвлекаешь их и мешаешь тренироваться. Исходя из этого я вынужден запретить ваши совместные тренировки, и это новость плохая.

Об очень плохой новости, которую тренер оставил мне напоследок, я уже догадался. Сбылось то, что я, в сущности, и предполагал. Хотелось молча встать и выйти из кабинета, покинуть территорию базы и больше никогда не возвращаться, но я всё-таки спросил:

– А какая же очень плохая?

– С одной стороны, – ответил Иван Трофимович, – всё хорошо. Руководство спортшколы готово пойти тебе навстречу. Твоё посещение базы согласовано. Мало того, ты можешь делать это в любой день недели, но вот время... Короче говоря, смотри сам, – добавил он и протянул мне лист бумаги, на котором было пропечатано моё индивидуальное расписание посещений базы.

Понедельник: 00.00 – 9.00; 22.00–24.00

Вторник: 00.00 – 9.00; 20.00–24.00

Среда: 00.00 – 8.00; 21.00–24.00

Четверг: 00.00 – 9.00; 13.30–15.00; 22.00–24.00

Пятница: 00.00–12.00; 22.00–24.00

Суббота: 00.00 – 7.00; 22.00–24.00

Воскресенье: 00.00 – 9.00; 12.00–17.00; 22.00–24.00.

Я смотрел на это расписание; на первый взгляд, оно выглядело как издевательство. Мне не отказали, давая понять, что нормально ко мне относятся, – мне предлагали отказаться самому.

Все прекрасно знали, что я учусь в школе, в выпускном классе, и утренние часы мне не подходят – в это время я нахожусь на уроках. Ночью я тоже тренироваться не мог – в этом случае мне пришлось бы спать днём, а днём я опять-таки должен учиться.

Что же мне оставалось – полтора часа в четверг, да и то к 13.30 я вряд ли успеваю – уроки иногда заканчивались позже, и в любом случае полтора часа недостаточно – пока переоденешься, разогреешься – пройдёт минут двадцать. После тренировки нужно принять душ и переодеться, а это тоже примерно двадцать минут – на саму тренировку всего 50 минут, а это очень мало.

В воскресенье днём время было подходящим, но что означало занятие один раз в неделю? Всё, что наработал в этот день, за последующую неделю потерял – в таких занятиях не было никакого смысла.

Теперь я понял, что имел в виду тренер, говоря, что эта новость очень плохая. Говоря так, он щадил мои чувства – эта новость была ужасна.

– Не обижайся, – сказал тренер, – это, – он показал на моё расписание, – не издевательство, это действительные временные окна, которые спортшкола может тебе предоставить, других, к сожалению, нет.

– Жаль только, что я не смогу этими окнами воспользоваться, – ответил я.

– Извини, но большего здесь тебе никто не предложит, – сказал тренер. – Лично я удивляюсь даже этому.

– Спасибо вам, – ответил я. – Очень удобно предлагать то, что я не смогу взять. Ничего не теряешь, а сам выглядишь вполне пристойно. Мол, сделал всё, что смог, а он отказался, и теперь я даже и не знаю, что ещё можно предложить...

– Не кипятись, Володя, – перебил он меня. – И не говори глупостей. Я понимаю твоё состояние. Но попробуй понять и ты. А главное, подумай вот о чём: так ли уж важно тебе тренироваться именно здесь, учитывая, что ты собираешься просто бегать? Понимаю: привычка, замечательный парк, родная секция, никак не можешь забыть – приходи в воскресенье. В этот день днём здесь вообще никого нет, да и утренние и вечерние часы заняты условно. Редкие мероприятия с 9.00 до 12.00 и редкие ремонтные работы с 17.00 до 22.00, они стоят в планах, но проводятся не часто – никто не хочет приходить сюда в воскресенье,

людям нужен хотя бы один выходной в неделю. Доступ на базу тебе открыт. Раздевалки, душевые, спортивный зал – всё в полном твоём распоряжении, есть только одно условие. Мы уже договаривались с тобой, но я считаю необходимым напомнить: станками пользоваться нельзя, спортивными велосипедами тоже. Надеюсь, Володя, на твою порядочность и верю твоему слову...

Тренер говорил и говорил, расписывая преимущества и условия тренировок на базе в воскресенье, а я думал. Он был прав: чтобы набрать необходимую физическую форму, вовсе не нужно приходить сюда. А чтобы отыскать проход, вполне достаточно воскресенья. Мало того, этот день действительно подходил идеально. В воскресенье на базе, а соответственно и в парке, принадлежащем спортшколе, огороженном высоким забором, тренировок не проводится, а значит, как заметил тренер, никого и нет. Никто не сможет мне помешать, в отличие от любого другого дня, где накладки неизбежны – графики тренировок сбиваются и время от времени натыкаешься на ребят из той или иной команды.

– Договорились Иван Трофимович, – перебил я его. – И простите за мою несдержанность. Спасибо вам, вы действительно мне очень помогли. Буду приходить в воскресенье, это и в самом деле очень удобный день. О наших договорённостях я помню, можете не беспокоиться, я своё слово держать умею.

– Вот и хорошо, Володя, – ответил он и улыбнулся. Затем внимательно взгляделся в моё лицо, пытаясь понять причину перемен, происшедших со мной.

Я улыбнулся в ответ, добавить мне было нечего.

Не увидев ничего, что могло бы его насторожить, тренер сказал:

– Договорились, Володя, приходи в воскресенье, на тебя будет выписан пропуск. База скорее всего будет закрыта, на охране получишь ключи. И не забудь документ, удостоверяющий твою личность.

Мы попрощались, и я ушёл – до воскресенья оставалось ещё пять дней.

* * *

Что ни делается, всё к лучшему, думал я. Нервничаешь, злишься, пытаешься подстроить ситуацию под себя, и, как правило, ничего не выходит. Всё случается независимо от тебя и совсем не так, как запланировал. Она, эта ситуация, живёт по своим, часто нам недоступным, законам, а мы живём по своим. На первый взгляд, это кажется ужасным – ещё бы, все наши планы, ожидания и мечты по непонятным для нас причинам развеиваются как дым от лёгкого дуновения ветерка, словно наши усилия ничего и не значили. Ужасно, но только на первый взгляд. Позже мы довольно часто понимаем, что случившееся с нами много лучше того, что мы планировали, а неизбежность судьбы, которой мы так боялись, – именно то, что и было нам нужно. Понимаем, что бежать от судьбы нам некуда, а по большому счёту и незачем – мы уже там, где и должны были быть, и делаем то, что должны делать.

Так же случилось и у меня. Судьба, добавив неприятностей, слегка потрепала мне нервы и в конечном счёте развернула в сторону моей цели. Дорога была открыта, и всё дальнейшее зависело только от меня.

Сложилось всё идеально – по воскресеньям парк был полностью в моём распоряжении; где-то в его глубине был проход, он мог привести меня к хрустальному свету, и ничто в этот день не мешало мне его искать.

Мой образ жизни поменялся снова.

Последние полтора месяца я практически потерял, буксуя на месте в поисках возможностей для достижения своей цели. Теперь же возможности появились – можно было двигаться вперёд. И я рванул, не жалея себя, как на первых тренировках пять лет назад,

как на последней групповой гонке, как на станке в тот злополучный день – с полной самоотдачей, растворяясь в своём стремительном движении.

* * *

Дни летели один за другим.

Подъём в семь утра – пробежка, школьные занятия, снова пробежка до полного изнеможения на школьном стадионе и по улицам города. Небольшой отдых, подготовка домашнего задания, затем сон. На следующий день всё то же самое, и так шесть дней в неделю. В воскресенье тренировки на спортивной базе в парке с 12.00 до 17.00.

Я тренировался, но чувствовал, что до моей цели ещё очень и очень далеко.

За первые две недели я почти вернул свою прежнюю форму, исколесил много раз все дорожки парка. Доводил себя до состояния, при котором от усталости почти не видел, где я, почти не ориентировался в пространстве. Находясь в этом состоянии, резко менял направление, пытаюсь найти проход, но всякий раз, израсходовав все свои силы, останавливался, не в состоянии двигаться дальше, оказываясь там же, где и был, – в знакомых местах, изученных за долгие годы вдоль и поперёк.

Что-то не так, думал я, возможно, мне не хватает скорости. И я стал ускоряться.

Теперь я старался не просто бежать, а бежать максимально быстро. Это было намного сложнее, нагрузки возросли, я уставал быстрее, первые дни двигаться так по несколько часов подряд было очень тяжело. Но я долго занимался спортом и знал, что рано или поздно организм приспособится, нужно только перетерпеть.

Прошло ещё четырнадцать дней. Я набрал необходимую форму, я чувствовал, что стал намного сильнее – сильнее, чем когда бы то ни было. Моё тело стало лёгким и подвижным, я накопил в себе огромный потенциал. Я стал способен пробежать без остановки несколько часов, а затем выстрелить, словно пружина, и выдать максимальное ускорение. В результате своих интенсивных тренировок я стал готов почти ко всему. Ещё немного, один маленький шаг, думал я. Мне казалось, что моя цель уже близка.

Но время шло, и ничего не происходило.

2

Наступила зима. В первое воскресенье декабря я это почувствовалось в полной мере – старый парк преобразился. Деревья украсились инеем. Воздух наполнился морозной свежестью и чистотой. Гравийные дорожки скрылись под плотной коркой снега, утрамбованного на уходящей неделе ребятами из многочисленных команд, побывавших здесь до меня.

Я вдохнул зимний воздух и начал свою тренировку.

Я уже ничего не ждал и с лёгкой иронией относился к своим поискам и надеждам. Я перестал искать свой хрустальный свет, мне просто нравилось бегать здесь – чувствовать своё подвижное тело, свою силу, которая росла день ото дня, доставляя мне удовольствие.

Я отчаялся найти проход. Я вообще перестал понимать, откуда взялось это слово. Почему проход? Куда? Мне перестало быть это понятным. С какого-то момента путь к portalу финиша, наполненному хрустальным светом, я стал называть именно так. А что я вообще видел? Иногда мне казалось, что ничего. Я начал думать, что хрустальный свет – плод моего воображения. Если разобраться, ничем другим он и не мог быть. Я тренировался на станке в зале, смотрел в окно, а воображение уносило меня вперёд по дорожкам парка. В какой-то момент воображение разыгралось, я пересёк невидимую границу и устремился дальше. Представил шоссе, холм, пережил заново ту групповую гонку – увидел в конце пути портал. В своём воображении наполнил его хрустальным светом. Необычно, но вполне

объяснимо: ассоциация – искрящийся невероятный свет как символ чего-то труднодостижимого.

Хорошее объяснение, но я чувствовал, что всё не так просто. Последние дни я часто думал об этом, думал, практически не переставая, и верил и не верил сам себе. Придумывал аргументы в пользу той или иной версии, сам себе приводил различные доводы, сам же их и опровергал. Я бежал и развлекался этими логическими построениями, понимая, что все они неважны. Просто опираясь на логику, думал я, добиться чего-то вряд ли получится, а любые мысли по этому поводу не имеют практического значения.

Как бы там ни было, для себя я решил: пока мне нравится бегать, я буду бегать. И если хрустальный свет в неведомом мне месте всё-таки существует, рано или поздно я до него доберусь.

Это воскресенье ничем не отличалось от других.

Я бежал и бежал по дорожкам парка, изредка, скорее по привычке, меняя направление, уходя под прямым углом на поперечные аллеи, чередуя время от времени правые и левые повороты, пытаясь запутать самого себя. Так было интересней, я не смотрел по сторонам, и мне казалось, что я двигаюсь не по знакомому до последнего дерева парку, а каждый раз открываю новый путь.

Пошёл снег, и спустя час я истоптал почти все дорожки. Иллюзия неизведанных маршрутов пропала – за каждым поворотом я видел свои следы. Я вглядывался вперёд, пытаясь на очередном пересечении увидеть не пройденный мною сегодня путь. Через три перекрёстка я его увидел – дорожка, сворачивая под прямым углом, вела к северо-восточной границе парка. На следующем перекрёстке, у этой границы, можно было свернуть направо и вернуться на базу по радиальной аллее. Время тренировки подходило к концу, солнце почти спустилось за горизонт, приближался вечер, и на сегодня бега было достаточно.

Снегопад усилился, снег начал сыпать хлопьями.

Впереди серой стеной, загораживая свет от закатного солнца, возвышался высокий забор. Я увидел поворот и прибавил скорость. Мне чем-то не нравилось это место, надоел густой снег, который сыпал и сыпал, ограничивая видимость, попадая за шиворот, залетая в рот при каждом моём вдохе.

Усилился ветер, температура воздуха ощутимо снизилась, а на мне была только лёгкая спортивная куртка, и я стал замерзать.

Я прибавил ещё и, не снижая скорости, свернул направо, на радиальную аллею. Сразу за поворотом прямо передо мной мелькнула серая тень. Уходя от столкновения, я резко отпрыгнул в сторону, потерял равновесие и, не удержавшись, вылетел с дорожки в канаву, идущую вдоль забора, зарывшись в снег.

– Так можно и шею свернуть, – услышал я за спиной чей-то скрипучий голос, за которым последовал каркающий, ехидный смех.

Я приподнял голову, оглянулся и наткнулся на взгляд чёрных с кровавыми отблесками закатного солнца глаз. Я невольно зажмурился и отвернулся, холодный пот пробежал по моей спине. Пересилив себя, я снова открыл глаза. Не спеша осмотрел дорожку рядом с канавой, в которую так неудачно упал. Снег не позволял мне толком хоть что-то рассмотреть, но я видел, что в радиусе метров пяти вокруг меня не было никого – только снег, укрывший всё белым покрывалом. «Показалось, – подумал я, – пора заканчивать на сегодня. Тень, красные глаза, странный голос – похоже, от усталости у меня начались галлюцинации».

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Вытащил из снега руки, которые на холодном ветру мгновенно заledenели, попытался согреть их своим дыханием – это почти не помогло. «Нужно выбираться отсюда, – решил я, – и как можно быстрее бежать на базу, пока я окончательно не замёрз».

Я попытался встать, но это оказалось непросто. От резкой остановки дыхание сбилось, ноги стали как ватные, расслабившись, я почувствовал, что у меня осталось не так уж и много сил. Ерунда, усталость ещё никогда меня не останавливала, думал я, уж с ней-то, за годы тренировок я научился справляться.

Я вылез из канавы, отряхнулся и приготовился бежать дальше.

– Куда бежишь, милоч? – услышал я за своей спиной.

От неожиданности я резко развернулся, пытаюсь разглядеть, кто это произнёс. Я не сразу её увидел. Серая фигура терялась в сумерках, спустившихся на парк, а густой снег делал её почти невидимой. Это была маленькая сухонькая старушка в старом ватнике и блёклом цветастом платке, на ногах которой были валенки. Она приветливо смотрела на меня и, судя по всему, ждала от меня ответа.

«Что ей сказать? – думал я. – Что за дурацкий вопрос она мне задала? Куда я бегу? Что она хочет услышать? Про мои тренировки, про базу, до которой осталось меньше километра? Может быть, она хочет услышать про хрустальный свет, который когда-то привиделся мне, и о том, как я всё ещё пытаюсь его найти, хотя в последнее время почти в него и не верю?»

– Что молчишь, как воды в рот набрал? – не дождавшись ответа, снова спросила она. – Ты как, в порядке? Не ушибся? Может, помочь чем?

– Всё нормально, – неуверенно ответил я, чувствуя нереальность ситуации. Чем она могла мне помочь? Старая хрупкая женщина. Да ей самой, наверное, помощь нужна, думал я.

– Дорогу найдёшь, или мозги напрочь отшибло? – с ехидной усмешкой спросила она.

– Послушайте, со мной всё в порядке, дорога тут одна, – ответил я, слегка раздражаясь, махнув рукой в сторону базы. – Мне ничего не нужно, и если вы не возражаете, то я, пожалуй, пойду.

И я сделал один короткий шаг в сторону, которую только что ей указал, не отводя от неё взгляд. Чем-то она пугала меня, и я готов был в любой момент пуститься наутёк.

– Так и есть, спятил, – сказала она. – Проход – в другую сторону. Пойдём со мной, здесь недалеко, не бойся. До пещеры говорящего оленя пять минут ходу, а там рукой подать.

– Нет, мне в другую сторону, – нервно ответил я. А сам подумал, что она попросту сумасшедшая и говорит какую-то ерунду. Оставаться рядом с ней не было никакого желания – сумасшествие штука заразная, и я, развернувшись в сторону базы, побежал от этой старушки прочь.

Через десять минут я был в раздевалке. Свет включать не хотелось, и я просто сел на диван. Так, в темноте, слегка подсвеченной окном напротив, было намного уютней. Я бегал несколько часов и, прежде чем пойти в душ, хотел немного отдышаться. Снег за окном шёл по-прежнему, не переставая – там, на улице, под фонарём было отчётливо видно, что наступила настоящая зима. Ветер гонял по двору позёмку, закручивая её в маленькие спирали. На это даже смотреть было холодно. «Там, наверное, уже минус десять, – подумал я. Отсюда, из тёплой комнаты, туда, в ночь и холодную зиму, идти совершенно не хотелось. – А ведь мне ещё придётся возвращаться домой», – от одной этой мысли я зябко поёжился.

И тут я вспомнил о ней, маленькой старушке, которую я бросил в пустынном парке. Мне стало не по себе. Как я мог позволить себе так просто уйти? Я помнил, что мне было неприятно находиться рядом с ней, я посчитал её ненормальной и почему-то её испугался, а ещё я замёрз, хотелось скорее оказаться на базе, и я убежал. Бросил в тёмном парке старую больную женщину, собиравшуюся идти в сторону, где никогда не было выхода. «Она потеряется, не сумеет выбраться, может замёрзнуть и погибнуть там», – думал я. Воображение рисовало картины одну страшнее другой.

Надо её найти, вывести из парка и проводить домой, решил я. Прошло не очень много времени – она не могла уйти далеко...

Я бежал по сумрачной аллее обратно, забыв про усталость. Вот он, поворот, где я чуть не столкнулся с ней. Я остановился, внимательно вглядываясь, ища следы. Но снег засыпал практически всё. На дорожке было видно место, где я вылетел в канаву, где я когда-то стоял, выбравшись из неё – свежий снег там лежал неровно. Дальше за поворотом угадывались мои следы. Вперёд, вдоль забора, в направлении, куда собиралась идти она, тоже прослеживалась цепочка чуть заметных следов. Я, как ищейка, пошёл по этому следу. Из-за облаков выглянула луна, и ориентироваться стало проще, теперь сквозь метель аллея просматривалась на десяток метров вперёд. Я припустил быстрее, пока снег не засыпал и эти еле заметные ориентиры.

Я бежал и бежал по дорожке, уходящей по дуге влево, но следы не делались чётче, временами они пропадали совсем, тут что-то было не так. По всем законам физики следы должны были становиться более заметны, и я давно должен был её догнать, если, конечно, она не свернула раньше. «Возможно, это не её следы, – подумал я, – может быть, я сам их оставил, когда бегал здесь несколько часов назад».

– Эй... й... й, есть тут кто живой? – крикнул я. – Отзовитесь!

Мне показалось, что кроме эха я услышал каркающий, еле слышный смех, похожий на тот, которым старушка встретила меня.

Я крикнул снова. И снова мне показалось, что я её услышал – на границе слуха, еле заметный смех, несущийся ко мне из глубины парка. Определив примерное направление, я решил, что мне нужно вернуться на несколько перекрёстков назад, а затем повернуть направо. Так я и сделал.

Углубившись достаточно далеко, я снова попытался её позвать. И опять одновременно с эхом раздался её еле слышный смех – он всё ещё был очень далеко. Я побежал дальше.

Вот ведь странная женщина, думал я, не может ответить по-человечески, только хохочет без остановки – точно не в своём уме.

Тем более необходимо её найти, укрепился я в своей решимости. Похоже, в своём безумии она не понимает, что на улице зима, и не чувствует холода.

Я забыл о времени. Изредка кричал, пытаюсь понять, что и с какой стороны я всё-таки слышу, перебегал с места на место, нарезая новые круги, но ничего не менялось. Старушка исчезла. Только по-прежнему далёкий каркающий смех время от времени слышался мне.

«Это просто ветер, а я слышу, то, что хочу услышать, – наконец понял я. – Она давно ушла, а я, как идиот, всё не могу успокоиться».

Я вернулся на базу, сбросил с себя промокший от снега, обледеневший спортивный костюм. Я и сам за время своих поисков изрядно заledenел, ноги и руки почти не чувствовались, мне нужно было срочно согреться. На негнущихся ногах я отправился в душевую и встал под обжигающе-горячие струи воды. Постепенно холод ушел, и мне стало тепло.

Я стоял под душем, и вместе с холодом из моего тела уходила усталость. Я оттаял и ожил, проснулось воображение, и мысли, не сдерживаемые больше ничем, снова побежали по извилистым дорожкам старого парка.

Странная ситуация, думал я. Вечер, зима – и эта невероятная встреча. Кто она, эта странная женщина? Как она оказалась там? Ведь это почти невозможно – вот так столкнуться нос к носу в этом безлюдном месте. Куда она шла одна, по холодной пустынной аллее?

«Проход – в другую сторону. Пойдём со мной, здесь недалеко», – сказала она. И ещё что-то про говорящего оленя...

– Что за проход? – невольно прошептал я.

Мысли взорвались в моей голове, пронеслись огненным вихрем – понимание накрыло жаркой волной. Именно проход, вспомнил я. Она сказала проход, а не выход. Я решил, что она сошла с ума, но возможно, она поджидала там меня. Возможно, она ждала, чтобы показать мне этот проход. Естественно, она смеялась, для неё я выглядел глупо. Она хотела показать мне то место, которое я, прилагая огромные усилия, искал несколько месяцев, как одержимый, а я взял и сам отказался от этой возможности.

– Идиот! – закричал я и с силой ударил кулаком в стенку душевой кабинки.

Кабинка треснула, а из костяшек пальцев правой руки выступила кровь.

Это действие и боль в правой руке отрезвили меня, я глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

«Что я творю? – думал я. – Нужно срочно что-то с собой делать. Всё, что происходит со мной в последнее время, становится ненормальным. Навязчивая идея, бесконечные тренировки, поиски и ожидание неизвестно чего. Я вымотан, я уже почти не контролирую себя. Я, как параноик, вижу в несуществующих событиях несуществующий смысл».

Встретилась на пустынной аллее старушка. И что? Допустим, эта встреча была не совсем обычной – безлюдное место, тёмный парк, я налетел на неё неожиданно, она показала мне странной, настолько странной, что в какой-то момент я даже её испугался. И что? – снова повторил я себе тот же вопрос. Старая женщина, похожая на нищенку, в ватнике и валенках, рассказывающая о говорящих оленях, зовущая меня с собой, смеющаяся над одной ей понятными шутками. Что я смог в этом разглядеть? – не понимал я. Почему я решил, что она укажет мне дорогу к моей цели, тайному месту, где расположен проход, который я ищу? Вот так просто, на окраине парка, случайная старушка возьмёт меня за ручку и скажет:

– Не плачь, маленький, – спросит: – Что тебе? Другой мир, наполненный хрустальным светом? Нет ничего проще. Потерпи пять минут, и всё у тебя будет. Мудрый говорящий олень покажет тебе путь, а чтобы ты не заблудился, будет тебя сопровождать.

Бред какой-то. Как я мог предположить такое? Она была просто не в себе. Несла всякую околесицу. Сказав несколько непонятных фраз, случайно разбудила что-то во мне, зародила надежду. Тёмный парк, метель, неожиданная встреча, добавили этим фразам загадочности, а на самом деле она, возможно, и не воспринимала меня и обращалась даже не ко мне. Она смотрела на меня и видела что-то своё, я был для неё фантомом, призраком, и её слова нельзя было понимать буквально. Я и в самом деле псих, если ищу в этом смысл.

Всё это от отчаяния, – понял я, – моего глупого отчаяния, почти развившегося в паранойю. Я никак не могу приблизиться к цели, у меня не получается, не хватает на это сил. Я презираю себя за это и ненавижу за это свою цель. Она такой же фантом для меня, как я сам для старой женщины, встретившейся мне в парке.

Не было никакого тайного смысла в нашей встрече – обычный, случайный эпизод, стечение обстоятельств, как не было ничего необычного со мной раньше.

* * *

В тот момент мне всё представлялось именно так. Я устал и больше не мог думать иначе.

Тренировка на станке – была. Падение со станка и удар о стену – были тоже, но это и всё. Если я что-то и увидел кроме этого, то это иллюзия, мираж. Никакого хрустального света я видеть не мог, он плод моего больного воображения, а всё, что я делал для его достижения, очень похоже на помешательство.

* * *

Пора с этим заканчивать, решил я.

Моё сознание развернулось на 180 градусов, и я стал успокаиваться. Это было очень хорошо – без этого поворота я и в самом деле мог сойти с ума.

Я промыл свою рану на руке, выключил воду, насухо вытерся, надел чистую одежду, прошёл в раздевалку. В аптечке нашёл перекись водорода, обработал костяшки пальцев на правой руке и заклеил их пластырем. Сложил свою спортивную одежду в довольно объёмистую сумку – её я решил забрать с собой.

Я всё делал очень медленно и максимально тщательно.

В тот вечер я понял, что больше не хочу приходить сюда, и потому, перед тем как уйти, не должен был ничего забыть. Эта спортшкола стала мне ненавистна, и я остро почувствовал, что тренировки в парке мне больше не нужны. Более того, я внезапно понял, что прекратить эти тренировки – необходимо, иначе может случиться нечто необратимое.

Я выключил свет, закрыл двери на ключ и, уходя, сдал его на пост охраны.

– Что в сумке? – спросил меня охранник, принимая ключ.

– Форма, взял в стирку, – ответил я.

– Ясно, можете проходить, – ответил он, отключив стопор на вертушке выхода.

«Что тебе ясно? – мысленно обратился я к охраннику. – Что тебе может быть ясно обо мне, если я сам никак не могу в этом разобраться?»

3

Прошло две недели. Школа – дом – опять школа; я жил – словно и не жил, находился в каком-то заторможенном состоянии, ничего не видя вокруг. Спрашивали – отвечал, просили сделать – делал. Мне было всё равно. Всё, что интересовало меня раньше, перестало иметь для меня значение.

Мне было очень плохо.

Я ошибся, вложив свою душу в предприятие, которое стало банкротом, и теперь оказалось, что я её потерял. Я ничего не мог чувствовать.

Прошло две недели.

На пятнадцатый день, вернувшись из школы домой, я услышал телефонный звонок. Взял трубку и безжизненным голосом сказал в неё:

– Алё.

– Здравствуй, Володя, – ответила трубка голосом Ивана Трофимовича.

– Здравствуйте, – равнодушно ответил я.

– Мне сообщили, что ты уже две недели не приходишь... – он на мгновение запнулся, подбирая слова, – тренироваться. И голос у тебя какой-то странный. Ты не заболел?

– Нет, я здоров, – ответил я.

– А тренировки? – переспросил тренер.

– Я решил больше не тренироваться, Иван Трофимович, – ответил я.

– Что случилось, Володя, можешь нормально объяснить? – спросил он, слегка повышая голос.

Я понимал, что он волнуется за меня, но это меня совершенно не трогало. «Раньше нужно было волноваться, – думал я, – теперь уже поздно».

– Твоя мама звонила, просила помочь, – добавил он. – Говорит, не знает, что с тобой. Почти всегда молчишь, ничего тебя не радует, ничего не интересует, часто бываешь рассеянным, не слышишь, что тебе говорят.

– Зачем вы мне всё это рассказываете? – спросил я.

– А затем, Володя, что я хочу тебе помочь, – ответил он. – Кажется, я догадываюсь, что с тобой. Помнишь, я говорил тебе...

– Мне невозможно помочь, и меня не интересуют чьи-то желания, – перебив его, ответил я.

– Ты ошибаешься, Володя, – сказал он, – нет ничего непоправимого...

– Извините, Иван Трофимович, я не могу сейчас разговаривать, – снова перебил я и нажал на рычаг телефона, отключая связь.

Может быть, он обиделся. Но в тот момент меня не волновало и это тоже. В конце концов, я не просил его мне звонить, думал я.

– Я вообще никого и ни о чём не просил, – сказал я в молчащую трубку выключенного телефона. – Никого и ни о чём... и к тому же никого не хочу видеть, – добавил я и повесил трубку.

Я прошёл в свою комнату и почти сразу забыл об этом разговоре. Ни разговоры, ни поступки моего тренера, да, наверное, никакого другого человека на планете, не могли принести мне ничего хорошего.

Ничего хорошего не могло произойти со мной в принципе, думал я. Всё, что мне нравилось когда-то, осталось в прошлом. Мне было нужно так мало, размышлял я, всего лишь продолжать заниматься спортом, участвовать в гонках. Мне нравилось это состояние свободы – неудержимое, наполненное энергией движение вперёд, подчиненное моей воле, сила и борьба с самим собой, с пространством и временем. Только это мне нравилось по-настоящему, но и это у меня отобрали. Иван Трофимович, мой бывший тренер, и отобрал. Как он мог так поступить со мной? Объяснения, которые я услышал от него, не выдерживают критики, мало того – противоречат здравому смыслу. Все эти объяснения высосаны из пальца. Он ведь тоже был когда-то спортсменом, он должен знать, каково это – лишиться возможности такого движения. Каково это – день за днём заниматься тем, что тебе вовсе не свойственно, терять смысл и возможность двигаться вперёд.

Что он сказал? «Тебе больше не нужны мои тренировки... ты уже и так стал сильнее многих...» Что в этом плохого? Почему он отстранил меня? Разве правильно, что спортсмен, ставший сильнее других, должен уйти? Глупость, мы для того и занимались спортом, чтобы стать сильнее, чтобы побеждать.

История с моей травмой, та неудачная тренировка на станке, когда я разогнал себя слишком быстро и, не удержавшись, слетел с роликов, сломал велосипед и вроде бы повредил станок, не могут быть основанием – в технических видах спорта такое случается, размышлял я. На то она и техника, чтобы ломаться.

То, что тогда привиделось мне, он видеть не мог, а я не рассказывал. В любом случае, это только моё воображение, мои собственные иллюзии, и он не имеет к ним никакого отношения. Возможно, он и догадывался о том, что я видел и чувствовал, – его история была в чём-то похожа. Но как это вяжется со мной? Его история принадлежит только ему, моя – мне. Его история закончилась печально – он испугался своего состояния, испугался меня. Я тоже испугался – мы оба оказались слишком слабы, чтобы сразу понять, что иллюзии и реальность – не одно и то же.

Я и сам это понял не сразу, мчался за миражами, искал свой мистический свет. Неведомое манило меня, и я, забыв, что важно, а что нет, стремился к нему, не жалея себя. Глупец, меня лишили самого главного, а я безропотно согласился, молча отошёл в сторону, отказался от своего образа жизни. Можно сказать, что я отказался от самого себя. Погнался

за миражом, а когда он развеялся, остался ни с чем. Спорт для меня закрыт – команда не примет меня обратно. Тренер тоже не откажется от своего решения – это подорвёт его авторитет. По той же причине он не даст рекомендации мне, чтобы я мог уйти в другую команду. Да и не помогут мне теперь ничьи рекомендации. Велоспорт – это замкнутый маленький мир, в нём практически не бывает тайн. Все знают друг друга, и все знают друг о друге всё. Всем уже известно, что я бросил спорт, что у меня травма ноги, что мне противопоказаны круговые движения. Я сам это придумал. И теперь доказать обратное будет очень непросто. Я сам загнал себя в ловушку, сам создал безвыходную ситуацию.

«Я хочу помочь тебе, Володя...» – сказал по телефону тренер.

– Чем ты можешь помочь мне, Иван Трофимович? – прошептал я, глядя на мёртвый телефон. – Всё, что мог, ты уже сделал, и помочь мне теперь невозможно.

* * *

В тот момент я действительно думал так, и мне не оставалось ничего другого, как погружаться дальше в бездну своей безысходности – я действительно был очень слаб тогда.

В тот день я находился в квартире один, до вечера было далеко, оставаться в таком состоянии в замкнутом пространстве было трудно, но и идти куда бы то ни было я не мог – я боялся встретить на улице знакомых мне людей.

В тот момент любое общение, любые вопросы, обращённые ко мне, любое вмешательство в мою жизнь были для меня неприемлемы. Мне нужно было оставаться одному, пока мрак, накрывший меня, не отпустит.

Я лежал на кровати, пытаюсь вспомнить что-то из прошлого, что-то, что смогло бы отвлечь меня, но всё, что приходило на ум, было менее ярким, чем моё теперешнее состояние. Измучив себя бесполезными попытками, я незаметно для себя уснул, и мне приснился сон.

Сон № 1

Ночь. На небе полная луна.

Я бежал по заснеженным дорожкам старого парка, чувствуя невероятную силу. Она переполняла меня, делая тело подвижным и почти невесомым.

Я совершенно не устал, хотя я и бежал очень быстро и достаточно долго. Настолько быстро, что белый пушистый снег, не притоптанный на обочинах дорожки, собирался за моей спиной в хитрые завихрения, которые следовали за мной по пятам.

Я очень спешил: я знал, что там, на дальней аллее, меня будет ждать она, и я знал, что долго она ждать не станет – если я опоздаю, она уйдёт. Уйдёт, так и не дождавшись, а проход закроется.

Вот и последний поворот. Впереди серой стеной вырос забор, перед ним канава, в которую я угодил когда-то, поскользнувшись на повороте. На пересечении дорожек я не увидел никого.

– Неужели ушла? – прошептал я.

Остановился.

Снежная пыль, следовавшая за мной, догнала, окутала белой пургой, мешая хоть что-то разглядеть.

– Кхе... хе... е... – услышал я каркающий, знакомый смех из-за снежной завесы.

– Явился-таки, – сказала она. – А я не чаяла уже и встретиться.

Снег постепенно осел, и из-за него проступили знакомые черты. Всё тот же поношенный ватник, на ногах валенки, цветастый блёклый платок, обрамляющий улыбающееся старческое лицо. На этом лице выделялись большие чёрные глаза с красными отблесками закатного солнца, пристально вглядывающиеся в меня.

То ли от этого взгляда, то ли от порыва студёного ветра, по моей спине пробежал холодок, от которого я зябко поёжился.

«А солнца-то на небе нет», – мелькнула мысль. Я пытался понять, что за пламя отражается в глазах этой женщины, и оглянулся, стараясь что-нибудь разглядеть за серым забором.

– Там, за забором ничего нет, только глухая ночь, – сказала она, проследив за моим взглядом, не прекращая мне улыбаться. – Но нам совсем в другую сторону. Молодец, что не опоздал, теперь мы успеем.

Я ничего не ответил.

– Бояться не надо, – продолжала она, – раз уж пришёл – поздно бояться. Теперь надо идти.

И она, развернувшись, пошла вперёд по радиальной аллее, а я последовал за ней.

Мы шли и шли.

Она передо мной, а я чуть сзади. Аллея просматривалась шагов на двадцать вперед, дальше, под кронами старых деревьев, терялась во мраке.

Напряжение нарастало.

Странная тишина и неопределённость моего положения очень угнетали меня.

– А вот вы в прошлый раз упоминали про оленя, который умеет говорить... – спросил я, чтобы хоть как-то нарушить зловещую тишину.

– А, этот... – с неприязнью ответила она. – Вечно путается под ногами, никак от него не отделаешься.

– И ещё вы говорили, что до его пещеры пять минут ходу? А мы идём уже значительно дальше.

Она резко остановилась, повернулась ко мне и обожгла меня своим злобным взглядом.

– Что ты можешь знать о времени? – резко, почти до визга повысив голос, прокричала она. – Если будет нужно, эта ночь вообще никогда не закончится.

И она так же резко, не дожидаясь моего ответа, отвернулась и отправилась дальше.

Я и не думал отвечать. От неё снова повеяло безумием. Я испугался, мне уже не был нужен никакой проход, мне захотелось убежать от неё как можно дальше, и я начал искать возможности незаметно это сделать. Но я не успел, она остановилась, и я снова услышал её голос.

– А вот и он, лёгок на помине, – сказала она, не оглядываясь, кивком показывая куда-то влево. – Явился, не запылится, хитрая скотина. Вечно появляется, когда его не ждут.

Я невольно посмотрел в ту сторону, куда она указывала. Там под кронами деревьев, среди непроглядной тьмы, угадывалось ещё более густое пятно мрака. «Пещера», – подумал я.

Далеко, в самой её глубине, мерцал еле различимый огонёк, который, приближаясь, постепенно увеличивался в размерах.

– Теперь придётся ждать, – ворчливо, с явной неприязнью сказала она. – Надеюсь, что в этот раз удастся проскочить незаметно, – не вышло. Теперь, просто так не пройти.

Я стоял и не знал, что и думать. Я вообще перестал что-либо понимать.

Он появился, и пещера за его спиной осветилась всеми цветами радуги. На стенах этой пещеры сверкали кристаллы, а сама она уходила, пока хватало глаз, куда-то в глубину земли.

Это было величественное животное. Я не очень представлял, как должен выглядеть настоящий олень, но этот был очень красив. Гордая осанка, огромные ветвистые рога, строй-

ные ноги, готовые к стремительному бегу, и пронзительные янтарные глаза, видящие меня насквозь.

– Вот идём, – резко сменив тон, заискивающе сказала старуха, – Проход будет открыт недолго, хотели успеть.

– Тебя никто и не задерживает, – раскатистым басом ответил олень, – а твой спутник, и он кивком указал на меня, – должен остаться.

– Как же так? – засуетилась старуха, схватив меня под руку, тихонько подталкивая вперёд, подальше от оленя. – Володенька столько ждал, надеялся, мечтал поскорее туда попасть. Что же, теперь все ожидания окажутся напрасными? Может быть, пропустишь его?

– Я уже всё сказал, – грозно ответил олень. – Отпусти его и убирайся прочь.

И он с силой ударил копытом правой ноги о землю, высекая искры.

Земля покачнулась, старуха отпустила мою руку и упала. Я увидел, как в её чёрных глазах мелькнул страх. Она неестественно быстро для человека её возраста на четвереньках отбежала от меня. И только потом встала на ноги. Затем очень медленно повернулась. Её лицо было перекошено злобой.

– Напрасно ты думаешь, что ты здесь главный, – сказала она, обращаясь к оленю. – Найдётся управа и на тебя.

Олень ничего не ответил, он просто не отрываясь смотрел на неё.

– А с тобой, Володенька, мы ещё встретимся, – обратилась она ко мне, – ещё никто не мог так просто от меня уйти. Ты пока ничего не знаешь о времени, но знай, что оно бывает очень коротким, сколько бы лет ты в него ни пытался впихнуть.

И она ушла.

– Неприятная женщина, – сказал мне олень.

– А кто она? – спросил я.

– Могу только сказать, что тебе не стоило с ней идти, – уклончиво ответил он. – Она могла завести тебя очень далеко, и совсем не туда, куда тебе нужно.

– А как же проход? – неуверенно спросил я.

– Проходов, Володя, много, – ответил он, – и ты сам способен открыть свой. У тебя раньше это почти получилось, тебе просто не хватило скорости.

Я с удивлением посмотрел на него.

– Ты знал это с самого начала. Пять лет назад ты что-то почувствовал, и у тебя появилась неосознанная на тот момент цель, для достижения которой тебе нужен был велосипед. Ты изменил ситуацию в свою пользу и начал своё движение, – добавил он.

– Но что там? Почему я? Я что, такой исключительный? – в растерянности засыпал я его своими вопросами.

– Тут нет и не может быть исключительности, – ответил он. – Но далеко не каждый человек может так целенаправленно и неуклонно двигаться вперёд. А вот что там, я и сам не знаю, для каждого это своё, я только хранитель этого места – некогда бескрайнего леса, от которого остался этот жалкий парк. Здесь тоже есть проход, трещина между мирами, называй, как хочешь – мой собственный проход, который я когда-то случайно открыл и сквозь который оказался не способен пройти. Теперь через него лезет всякое, пытаются протащить кого-то с собой, – и он кивком указал в глубину аллеи, куда ушла странная старуха, – хотя им самим вообще никакой проход не нужен...

– Теперь я навсегда привязан к этому месту, – продолжил он. – И я вынужден платить за свои прошлые ошибки, не в силах что-либо изменить. Тебе предстоит сложная задача: ты должен сделать то же, что сделал когда-то я. Ты слишком приблизился, и обратного пути для тебя уже нет. Тебе необходимо довести дело до конца, разорвать завесу пространства, пока оно не разорвалось само под твоими ногами. Тебе придётся пройти сквозь открывшийся вход и захлопнуть за собой дверь. Не повторяй моих прошлых ошибок, не останавливайся.

ливайся, – добавил он. – Даже если тебе покажется, что это невозможно, – продолжай движение. Даже если у тебя не останется сил и следующий шаг будет казаться последним – двигайся вперёд. Иначе, так же как я, навсегда останешься между мирами – в полной неопределённости, изредка проявляясь то там, то тут, неспособный отдалиться от этой границы, не имея возможности что-либо изменить.

– Но я не могу ничего открыть, – сказал я, вспоминая свои последние несколько недель бесплодных попыток.

– Тебе, как я уже говорил, не хватает скорости, и тебе нужен велосипед, – ответил он.

– Но меня выгнали из секции, команда не примет меня обратно, у меня не получится вернуться! – в отчаянии почти закричал я.

– Тебе помогут, – ответил он и с силой ударил копытом в землю, высекая искры.

Искры метнулись мне в глаза, земля качнулась, и я, невольно зажмурившись, стал заваливаться набок, успев в последний момент подставить руки, чтобы смягчить падение. Это почти не помогло, от удара о землю я снова открыл глаза и проснулся.

* * *

За окном квартиры было уже темно.

Чуть позже с работы пришла мама. Мы вместе молча поужинали. Я видел, что она очень расстроена. В этом был виноват только я – после своего странного сна я снова мог чувствовать. Вспомнил, что последние дни вёл себя отвратительно – игнорировал её вопросы, обрывал на полуслове, огрызался по любому незначительному поводу. Это было ужасно, но мрак, накрывающий меня, понемногу отпуская.

– Знаешь, Володя, сегодня разговаривала по телефону с папой, – сказала она. – Он приедет из командировки 25 декабря, так что Новый год будем встречать вместе.

– Здорово, – ответил я, подошёл к ней, обнял и чуть слышно добавил: – Мама, прости меня, если сможешь, я ужасно вёл себя последнее время, сам не знаю, что на меня нашло.

Мама заплакала и улыбнулась.

– Дурачок, – сказала она, – да я и не сердилась на тебя. Я же видела, что тебе плохо, и от этого было плохо мне. Я очень переживала за тебя, была совершенно беспомощна и не знала, чем тебе можно помочь.

– Не волнуйся, мама, теперь всё будет хорошо, – ответил я и поцеловал её в мокрые от слёз глаза.

На следующий день после уроков я вышел из школы. «Не самый плохой день», – думал я. Вроде бы всё как обычно, но настроение оставалось приподнятым, гнетущее чувство безысходности исчезло, а я снова мог нормально общаться с ребятами из класса. Мне стало казаться, что жизнь налаживается. Появилось чувство, что впереди меня ждут события, после которых всё встанет на свои места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.